

СМЕНА

1

1959

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Тесны о мерте

Опера-балет ПУШКИН

Сопрано или альт или тенор
Баритон

Но с ро-ди-ны, во с ро-ди-ны, вы-хо-ди-те

У...

то, во дру-же-лю, во друж-бе, во дру-же-лю, во друж-бе, во дру-же-лю, во друж-бе, во дру-же-лю, во друж-бе

Здесь все так же в - том же духе, что сиесть пра-ва, та-ко и с се-бя зван-и-ем

Да-же зван-и-ем

Все да-же зван-и-ем

И с се-бя зван-и-ем

Да-же зван-и-ем

Сопрано или альт или тенор
Баритон

в то-то-же-ду-хе, в то-то-же-ду-хе, в то-то-же-ду-хе, в то-то-же-ду-хе, в то-то-же-ду-хе, в то-то-же-ду-хе, в то-то-же-ду-хе, в то-то-же-ду-хе

Фото В. ТЮКОВА.

Слова Игоря КОЗЕВА.

Музыка Аркадия ОСТРОВСКОГО.

<p>Не с порохом, не с золотом — С мечтою дружит молодость, Ей по сердцу творить и открывать, Узнать все тайны в атоме, Как птицы, стать крылатыми И с неба звезды девушкам срывать!</p>	<p>Что людям сказкой кажется, Все былью в срок окажется — Не зря грохочет стройками страна! Пусть в юности мечтаются, Мечта всегда сбывается, Когда она в работе рождена.</p>
---	---

<p>Товарищ! Обязательно Земле нужны мечтатели, Влюбленные в волшебные дела. Лети, мечта чудесная, Чтоб даль звенела песнями, Чтоб вся земля садами зацвела!</p>	<p>Земля моя, красавица, Во веки не состарится, Пока еще не вывелись на ней Романтики, искатели, Упорные мечтатели, Разведчики нехоженых путей.</p>
---	---

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

Литературно-художественный
и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ
Январь. № 1. 1959 год.

Год
издания
36-й

КАК ИНТЕРЕСНО ЖИТЬ!

Михаил Юрьевич Лермонтов ехал на переключных из Москвы в Пятигорск пятнадцать суток. По тем временам это был отличный вид транспорта, однако следует заметить, что так ездили и тысячу лет назад. Все стояло прочно на своих местах, десятилетиями и столетиями не менялось четверехколесная тележка, передвигаемая, по идее, наконец не удалось взвзудать пар и поставить на рельсы паровую машину.

Наши деды дивились пару, его могучей силе, наши отцы ахали при виде скоройной электрической лампочки, хотя и среди них, как известно, находились скептики, утверждавшие, подобно чехословацкому писателю, что электрическое освещение одно только жульничество; вслух туду улюкел и думают глаза отаесть; нет, брат... ты давай огни, который натуральный, а не умышленный.

Нашему поколению на роду было написано удивляться непрерывно — так стремительно равнулось вперед техника, детиде блистательного человеческого разума. На наших глазах и на нашей памяти появились кинематограф, именовавшийся на первых порах по-разному — синемаграф, киноленто, — кино, наконец, не были отброшены сложенные клише и не родилось кратко и законное слово кино. Баба-мама, впервые увидев волшебную игру движущихся на туго натянутом полотне, сочла действительным жестом и поклялась больше не смотреть кино. Мы, тогдашние мальчишки, были, напротив, в восторге.

На наших глазах впервые появились автомобили — неуклюжие медлительные машины, источающие едкую вонь. Извозчики, высокомерно усмехаясь, пренебрежительно поглядывали на них со своих козел. Никуда и в голову не приходило, что это — будущее нашего транспорта.

На наших глазах поднимались в воздух тяжелые летательные аппараты, названные дядя русского уха весьма трудно — аэропланы... Когда в наш небольшой провинциальный город привезли один из первых русских летчиков Васильева и на какой-то хрупкой этажерке поднялся с неподражаемого немного выше соборной колокольни, он вызвал среди населения и восторг, и энтузиазм, и панику.

На наших глазах возникло такое чудо, как радио. В начале двадцатых годов на московских улицах загрохотали, и загребли нажимали детекторные приемники и, надев наушники, ловили тонкой иглой звук.

Странно теперь все это представить, когда мы пользуемся отличными радиоприемниками, телевизорами, когда можно слушать весь свет, сидя у себя в комнате.

Кино на наших глазах превратилось в важнейшее и многого, и на наших глазах великий немой обрел дар речи. Нищенская молодежь на санях немых фильмов ходит, как в лагунах древности, и смеется над нами, грешниками: как это вы могли восхититься этими картинками! Но कैसे чудеса продолжаются. Появились скоростные самолеты, а за ними сверхскоростные, реактивные, опережающие в своем развитии звук. Возникли радиолокаторы, способные видеть и косматые планетяны, ранее не доступные человеческим чувствам. Пушечный вход сложнейшие вычислительные машины, производящие за секунду десятки тысяч сложных математических действий. Родилась новая наука, нудрею именуемая кибернетикой.

Наше поколение, можно сказать, заведено чудесами. Нас невозможно чем-либо удивить.

И все-таки пришлось ажуть и нам, ровесникам бурного и буйного вывала в небо великого спутника Земли. И первыми спутниками оказались лишь, откровенно, советские. Изумление и восторг еще не успели остыть, как в космос, в направлении Луны, ушла ракета, предназначенная быть первым искусственным спутником Солнца. Нет, тут уж никакая заплата не поможет. Видно, нам так и положено удивляться вечно своей жизни. Как мало приходится удивляться нашим отцам и дедкам — и как много нам! Деды говорили: «Так было, так будет». А нас жизнь научила другому: «Всегда вперед!»

Сорок лет назад, еще не оперившимися юнками мы жардо всматривались в кишащие волны новой, революционной послесоветской эпохи. В борьбе и страданиях рождалась новая Россия, своим иудею задавленная народная мощь росла на глазах, поднималась, крепла, мучала, двигала горы, уинтокало старое, отжишее, утверждала новое, молодое, растущее. Страна летает и черзей, нищеты и тьмоты, босеулетура и безграмотности на глазах становится год от году все более сильной, величественной, являет собой пример всему человечеству. Партия Ленина вела народ, нда в бесстрашном авангарде, преодолевая все возмущающие препятствия и трудности.

Такое чудо, как первый искусственный спутник Солнца, не послано нам богом с небес, оно результат свободного труда, оно порождено нашей силой, нашей мощью, нашего социального строя. От первой фабрики, восстановленной из руин после гражданской войны, до первой искусственной планеты — такой гигантский взлет! Вот это, пожалуй, и есть самое большое чудо, какое только известно человечеству.

Наши достижения огромны. Они подготовили нас к семилетке, к новому периоду в нашей жизни — периоду разнустрогого строитель-

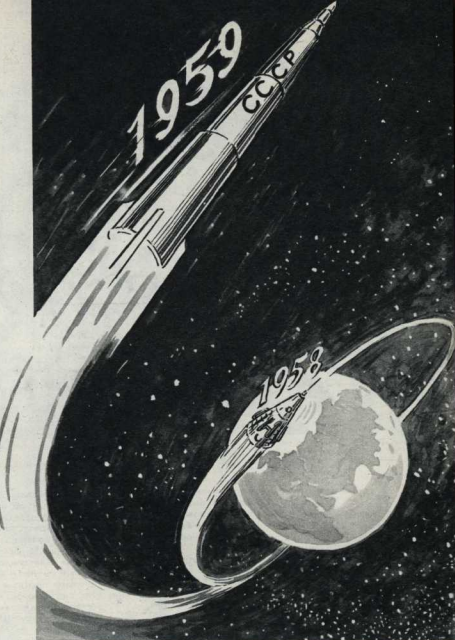

Рисунок И. Богдановича.

По свету время-невидима
Идет, не мешая, вперед...
С советским спутником в об-
летку
Земля вступила в новый год.
Таного года не было! I
Он взял инстинктивный разлет...
Мечта великой было стая —
Планету создан человек.

И Кремль под звездным небо-
м сводом
Как будто вновь поволодел...
Страна родная, с Новым
годом!
С размахом новым мирных
дел!

М. КАРУНЫЙ

ста коммунизма! Великим творческим порывом охвачен советский народ сейчас, в дни, когда идет подготовка к XXI съезду партии. Милым воплощением этого порыва являются бригады коммунистического труда, создаваемые на заводах и фабриках, в колхозах и совхозах, на стройках. Тысячи людей участвуют в этом движении. Их девиз — учиться работать и жить по-коммунистически!

Будучи подростком, я со своим приятелем-реалистом, напечатанным и унылым мальчишкой, не раз заходил к моему великому земляку (о том, кто великий, мы тогда и не знали) Константину Эдуардовичу Циолковскому. Мудрый старик встречал нас, мальчишек, всегда приветливо и охотно пулялся с нами в беседы, смысл которых, увы, не всегда доходил до нас. Во время одной из таких бесед мой более хвальный товарищ спросил Константина Эдуардовича:

— Люди действительно полетят к звездам!

— Обязательно полетят, дети. Я, может быть, до этого и не доживу, а вы доживете.

Мы не записали в первые аэропуты. Простившись со старым учителем, мы тут же, очутившись за калиткой его сада, решили, что сказкины Константин Эдуардович — несомненно чистая фантазия. Жизнь показала, что фантазия превращается в реальность, если а основе ее лежат мудрость.

Конечно, недалеко то время, когда не только ракеты полетят в космос, но и сам человек поведет в неизведанные глубины космического океана управляемые корабли.

Как интересно жить на Советской земле!

Ник. КРУЖОК

Резаконичев

ПРА
ЗА
В
РА

Фото А. Удьяна

Приближается ответственный момент — выпуск стали. В последний раз подходят к пульта управления сталевар Александр Говоров и его первый подручный Сергей Назаров.

Мартеновский цех металлургического завода. Все здесь огромно: и пышащие жаром печи, и многотонные ковши, и краны. В пролетах цеха-великана люди кажутся совсем маленькими, но послушно подчиняются их воле могучим механизмам.

— Мостовой кран медленно подает ковш к печи.

— Пора! — говорит подручный бригадир Василий Застенкин, взглянув на показания приборов, автоматически регулирующих тепловой режим мартеновской печи.

Начинается выпуск. Брызжущий искрами, окутанный облаком баргового пара, жидкий металл вырывается из печи и мчится по желобу в ковш. В цехе становится так светло, как будто вилочные одновременно десятки прожекторов.

Разника стали — незабываемое зрелище. В эти торжественные минуты озаренные отблеском расплавленного металла лица тех, кто сварил сталь, светятся особой гордостью, которая присуща людям мужественного, сурового труда.

ЛУЧШЕ УМЕТЬ, БОЛЬШЕ ЗНАТЬ

Сталевар Василий Застенкин пришел в мартеновский цех десять лет назад из ремесленного училища. Далеко вперед шагнул за эти годы отечественная техника, произошли и в цехе радостные перемены, и сам Застенкин из ученика превратился в опытного сталевара, стал бригадиром.

Не так давно печь обслуживало всего больше рабочих: четверо подручных и бригада заправщиков. А сейчас на большезеруном мартене, кроме сталевара, трудятся всего трое подручных, и они легко справляются с делом. Заправка производится машинной — заводским краном; погрузка раскислителей, доставка их механизированы. Сталевару в его сложной работе надежно помогает автоматика.

Однако все это не означает, что овладеть профессией сталевара легко. Напротив, новая техника — применение кислорода, автоматизация сталеплавильного производства — и другие усовершенствования требуют знаний и, конечно, практического опыта. У Василия Застенкина уже выработался свой, особый «штрих», а вот у его соседа — сталевара Александра Говорова — опыта явно еще не хватает.

В 1954 году Александр Говоров (работал он тогда подручным) был призван в армию. В

пограничных войсках, где Говоров служил, о нем говорили как об отличнике боевой и политической подготовки. Он был занесен в Книгу почета Брестского горкома комсомола. Вскоре после возвращения на завод ему доверили должность бригадиром на печи № 1. Это доверие Александр оправдывает. Но все же сталевар он пока молодой, и работа бок о бок с таким опытным мастером, как Застенкин, дает ему много.

Под стать бригадирам и их подручные. — На Александру Шевченко и Владимиру Куперштоку могут положиться, как на самого себя, — говорит Застенкин.

И в самом деле: когда ушел в отпуск знатный сталевар завода Н. Г. Бычков, начальник цеха доверил вести плавку на его печи комсомольцу Шевченко. Подтянутый, энергичный, этот парень любит и знает свое дело. Но

Начиналась смена. Молодые сталеплавильщики довольны: есть еще одна сиротная плавильня! На снимке: сталевары В. Застенкин, А. Говоров и их подручные В. Купершто, А. Шевченко, С. Назаров, Г. Федин и В. Федоричин.

хочет знать его еще лучше и по примеру второго подручного, Владимира Куперштока, который заканчивает сталеплавильное отделение Донецкого индустриального института, Шевченко думает также учиться заочно в институте. Трудно в это учиться и работать, но Александру Шевченко не прикаты: нынешним летом он успешно без отрыва от производства окончил вечернюю школу-десятилетку.

Не отстает от товарищей и третий подручный, Николай Феоктистов, который недавно поступил в заочный техникум.

В дни занятий в институте Волода Купершток часто приходит в цех с книгами, учебниками по различным вопросам сталеплавильного производства. И нередко бывает так, что в свободную минуту заглянув в эти книги его товарищи, а потом Куперштоку приходится проводить целую консультацию. Хорошо иметь своего инженера-металлурга в бригаде!

Трудом, на деле доказала бригада Василия Застенкина, что их печь достояние звания комсомольско-молодежной: свыше 500 тонн стали сверх плана дала она стране в минувшем году.

БУДЕМ РАБОТАТЬ ПО-НОВОМУ

21 ноября в цехе завода прошли открытые партийные собрания, на которых металлурги обсуждали тезисы доклада Н. С. Жруева на XXI съезде КПСС. Взаимововно вносили они практические предложения, направленные к лучшему использованию резервов производства, к увеличению производительности труда, росту качества металла. А на другой день к Говорову и Застенкину подошел секретарь комсомольской организации мартеновского цеха Яков Ткач.

— После окончания смены состоится бюро, — объявил он. — Мы решили пригласить на него секретаря районного и заводского комитетов комсомола, а также ваших молодежных бригады в полном составе. Сталеплавильщик Андрей Савенко уже включился в новое патристическое движение — соревнование за право называться бригадой коммунистического труда. Надо обсудить их начин.

— Что ж, выходи, дело за нами, — сказал Застенкин.

— Работа уже толкует об этом, они поддерживает, — заметил Говоров.

Дальше разговор продолжался на заседании бюро.

— Будем трудиться и жить, как подобает строителям коммунизма: помогать друг другу в труде, повышая его производительность, добиваясь того, чтобы каждый мог заминуть своего товарища по работе, — единодушно решили молодые сталеплавильщики. — Двем слово быть примером в труде и быту, вести примерную борьбу с пережитками прошлого: пьянством, хулиганством, свертословием. Будем всемерно повышать свои знания — политические, технические, общеобразовательные.

В 1954 году Застенкин и Говорова облизали в 1959 году дать по 600 тонн стали сверх плана: довести кампанью печи до 460 плавков при норме 444, а сьем металла с квадратного метра пода — до 7 тонн, соригиать продолжительность плавки в среднем за год на 20—21 минуту.

Так решили на заседании комсомольского бюро, и уже на другой день бригады стали работать по-новому.

Из-под тяжелых крышек, надвинутых на завалочные окна печи № 2, бьет ослепительно белое пламя. Приближается ответственный момент — выпуск стали. Застенкин и Говоров подходят к среднему завалочному окну и, прикрыв лица рукавицами, смотрят сквозь темные очки туда, где бушует расплавленный металл.

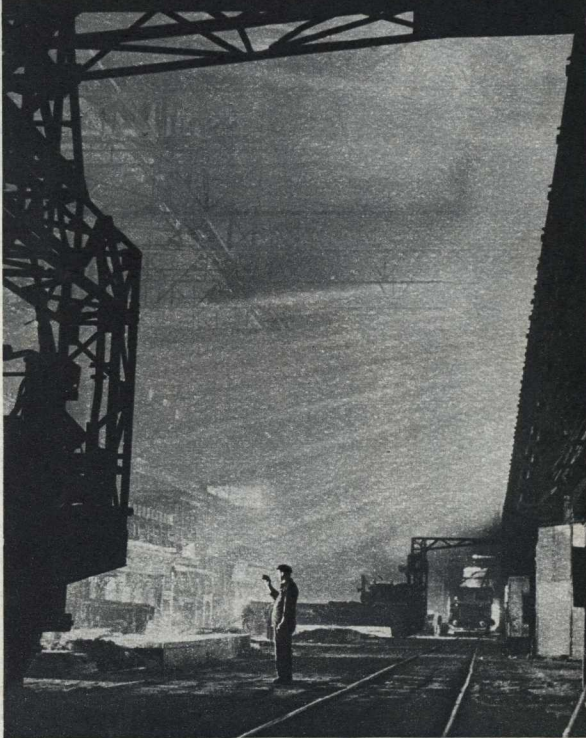
— Надо дать немного окалины, — говорит Василий.

Чтобы быстрее выполнить эту операцию, на помощь Застенкину приходят подручные Говорова — Валентин Федоришин и Григорий Федон. А когда бригада Говорова приступила к насадке подины, в эту работу включились Владимир Купершток и Николай Феоктистов. Сообща произвели сталеплавильщики и заправку откосов и подсыпку порога.

— Здорово идет дело у ребят! — одобрял мастера, наблюдая за работой.

О том, что дело спорилось, говорили и такие цифры: на заправке откосов было сэкономлено 10 минут, на завалке — 15, а на подсылке порога — 20 минут. Сэкономленные в коллективном труде минуты превратились в часы, а сверхплановые ковши металла.

Две печи — две бригады. Но эти бригады работают как одно целое, как одна слаженная бригада. И каждый участник этого дружного коллектива помогает Застенкину и Говорову вести процесс сталеварения. Сообща ходу быстро устраняются неполадки, и поэтому на печах № 1 и № 2 не бывает случаев выпуска холодной или перегретой стали и других нарушений, снижающих качество металла. Молодежь бережет дорогостоящие раскислители, топливо, внимательно ухаживает за печами и тем увеличивает срок их службы, трудится напористо, с огоньком, с хорошей рабочей удалью, которая всегда идет рука об руку с мастерством. Хозяйская бережливость и экономия времени на всех операциях стали стелем работы этих бригад.

Утро в мартеновском цехе.

Сможем помочь молодежи в производственных делах — опыт-то у нас большой, и хотя мы на пенсии, но своих знаний не забыли. Мы поможем молодым рабочим советами в бытовых вопросах, подскажем им, как построить жизнь так, чтобы расти культурными, вежливыми, дисциплинированными, дружить между собой, помогать друг другу в труде и в учебе. Мы будем шефство над бригадами сталеваров А. Савенко, А. Говорова и В. Застенкина. По-коммунистически жить и трудиться — это великий завет родного Ильича, и проводить его в жизнь должен каждый советский человек, каждый строитель коммунизма.

СОРЕВНОВАНИЕ СТАЛИНО — НИЖНИЙ ТАГИЛ

Недавно в выходной день собралась молодежь у Василия Застенкина. Пришли к бригадире в гости и Яков Ткач и секретарь заводского комитета комсомола Михаил Петров. Слушали радио, играли в шахматы. А потом как-то незаметно зашел разговор о совместной работе по-новому.

— Слышали новость: на Нюне-Тагильском металлургическом комбинате молодежные бригады Зашляпина, Капиченко, Образцова и Плескино объединились в одну бригаду коммунистического труда! — спросил Петров.

— А как же! Широко шагают уральцы! — сказал Говоров.

— Вот, — продолжил Петров, разорвав газету. — Производственного уровня, запланированного для печи № 14 на 1965 год, они решили достигнуть в 1963 году. Это значит, что они добьются съема стали с квадратного метра пода печи не менее двенадцати тонн. Кроме того, тагильцы поставили: каждый член бригады должен иметь к 1963 году образование не ниже среднего.

— Здорово! — сказал кто-то.

— А мы что же, льдом шиты! — возразил Застенкин. — Печи у нас не хуже, чем у тагильцев. Дунаю, что мы можем с ними потягаться. Поддержали товарищи сталевара, и решили бригады Застенкина и Говорова вызвать сталеплавильщиков Нижнего Тагила на соревнование.

Не так уж важно, кто именно одержит победу в этом соревновании. Одно ясно: результатом его будут новые славные дела молодых металлургов, людей мужественного труда, дедючих Родине стали.

г. Сталино,
Металлургический завод
имени Сталина.

К. ВАЧНАДЗЕ

В лаборатории Донецкого индустриального института. Преподаватель теории металлургических процессов В. Г. Попов консультирует выпускника института В. Куперштока.

И с каждой новой плавкой повышается квалификация молодого бригадира-сталевара Говорова. По примеру товарищей из соседней бригады тянутся к знаниям и его подручные: Сергей Назаров, Григорий Федон и Валентин Федоришин.

Почти молодежных бригад нашел горячий отклик и у ветеранов завода, видящих в юном поколении сталеплавильщиков достойную смену. Вот письмо пенсионеров И. Чернякова, П. Ерина, А. Косика, К. Маханькова и А. Буренко, опубликованное в заводской многотиражке:

«Хорошее дело начала молодежь! Но и мы не хотим оставаться в стороне от этого движения. Вот что мы предлагаем: над каждой бригадой коммунистического труда возьмет шефство один или два наших пенсионера. Мы

Рисунок А. Шульца.

МАСКАРАД

Олег ШЕРБАНОВСКИЙ

Рассказ

Нора стояла перед зеркалом и примеряла маскарадный костюм. В комнате с охашкой мерзлото, коробом торчащего белья воняла мама. Прикрыв дверь ногою, она сказала:

— Не наловешься, стрекоза! Лучше бы на шубу отложить, чем на пустяки выбрасывать деньги.

Мама ворчала так, даю порядку. Нора чувствовала это и, удавившись ей в зеркало, повернулась на каблучках.

— Да ведь это же новгородный бал, мамочка! — Знаю, знаю! — вздохнула мать. — Той любви праздник.

Задолго до наступления этого праздника Нора копала деньги на костюм, обдумывая новый вариант, комбинировала из старых платьев и кусков. Возбужденная ожиданием большой радости, какую приносит ей маскарад, она несъездно не находила покоя. В ее воображении рисовались подробности бала: сверкающая елка, маски, костюмы и, конечно, кавалеры, приглашающие на танец...

Нора перед зеркалом принимала разные позы, рассматривая себя в маскарадном костюме. Тонкие проволочные каркасы, обгнутые марлей, выполняли роль стрекозьих крылышек. Станула широкую талию, примеряла шапочку. Очень хорошо! Жаль только, зеркало маловато: хоть до стены отойди — в полный рост не видишь... И все-таки недурно, совсем недурно... Теперь еще маску, ту, всегдашнюю, что закрывает и шею...

Нора поднесла маску к лицу, и восторженное настроение сразу схлынуло. Она тяжело вздохнула: что подделали! Только на балу, единственный раз в год, она могла маской прикрыть след ожога, постоянно угнетавший ее. Ах, этот ожог! Четыре года назад, работая после десятилетия лаборанткой на заводе, она получила тяжелые ожоги при тушении внезапно возникшего пожара. В газете тогда появилась статья под громким заголовком «Самотверженный поступок», в которой рассказывалось о том, как Нора спасла лабораторию от взрыва. Эту статью Нора бережно хранила, но не одна газетная вырезка напоминала ей об аварии и подвиге. На правой щеке навсегда остался след — большое, розовато-бурое пятно.

После статьи в газете Нора стала получать ваучи письма. Писали комсомолды и пионеры, школьники, студенты и рабочие. Восхищались ее подвигом, выражали ей сочувствие. Но постепенно писем пришлоло все меньше и меньше, а затем почтовым приносил только один треуговский вач — от комсорга Коршунова из техникумовского вача. Сначала он писал от имени группы студентов, потом от себя лично. Судя по письмам, человек он был интересный. Нора с удовольствием отвечала ему. Но этот незнакомец комсорг упорно пытался завязать знакомство: прося о встрече, приглашал на кабак, в кино... К чему эта встреча? Если бы не этот ожог, изуродовавший лицо! Пусть лучше

она не испытает разочарования. И она перестала отвечать. Перенеска оборвалась.

Ожог оставил следы не только на лице. Нора сторонилась товарищ компании, реже бывала на вечерах, а в праздники самым радостным для нее стал новгородный бал-маскарад. К нему она готовилась всегда со смешанным чувством радости и тревоги, ожидания чего-то необычного и каждый раз старалась достать приглашительный билет туда, где ее не знала ни одна душа...

Уложив костюм в большую картонную коробку и перевязав ее шпагатом, Нора пешком отправилась на вечер в институт, где прежде не бывала. Морозный ветер обжигал лицо, деревянная рука с коробкой. «Конечно, мама права: лучше было откладывать деньги на новое зимнее пальто, чем тратить на маскарадный костюм, который и пацет-то приходит всего один раз... А может быть, вернуться домой?..» Нора даже остановилась. Но что значить пальто, когда там, на балу, столько жизни и красок! Воображение ее вновь завалили картинные бала, и она шапала быстрее.

В вестибюле института всех приглашенных встречали два студента с красными шарукавыми повязками. «Добро пожаловать!» — говорили они и указывали на раздевалку. Но от быстрого взора Норы не ускользнул и третий студент, высокий, с маленькими усиками и расчесанным на пробор кудрями. Он стоял, опершись о колонну, раскрасневшую под мармор, и внимательно рассматривал входящих. «Вот еще дождутся!» — сразу определила Нора, подняла воротник шубки и быстро прошла в раздевалку, а оттуда в аудиторию, которая была превращена в дамскую костюмерную.

***

Большая елка, пахнувшая смолою и горечью хвой, стояла посреди зала. Цветные лампочки на ветках зажигались и гасли по спирали снизу вверх, и казалось, будто елка взрастает. Под ключами ваты тоже вспыхивали и гасли крошечные лампочки, создавая впечатление падающих сверкающих снежинок хлопьев.

Виктор, любитель электро- и радиотехники, вечный изобретатель, не интересовался ни костюмами, ни масками, заполнявшими зал. Он стоял в сторонке и с гордостью рассматривал свое сооружение — елку.

— Почему не в маске? — дернул его за рукав Борис, член праздничной комиссии. — Забыл условие: только после двенадцати разрешается снять маску? Надень, а то удалю из зала, не посмотрю, что ты мой друг!

Виктор надел маску и со вздохом сказал: — Столько сегодня гостей, столько девачек, и все в масках! Жаль!.. Я, знаешь, люблю смотреть на красивые лица. Они, как цветы.

— Ишь ты! — Борис усмехнулся, проводил долгим взглядом девушек, одетых шахматными фигурами. — А что значит красота лица? Это призащит, мишурный блеск, обман зрения!..

Только богатство души и ума составляет настоящую красоту.

Борис говорил тронко, стараясь, чтобы его слышали окружающие. Девушка, одетая Свегрючкой, в ватном костюме, осыпанном слюдяными блестками, наградила Бориса улыбкой. Другая взглянула на нее и рассмелась: бедная Свегрючка! Улыбается, она такая на глазах: струйки пота, как слезы, сбегали из-под маски. В зале было жарко для ее наряда.

— Да, содержание главное формы, — продолжал свои рассуждения Борис. — Что, что? — оборвала его Виктор. — Ты, кажется, повторяешься. Цитируешь собственное выступление на диспуте. Помнишь: «В чем настоящая красота человека? Небось, изнаусь вымудри!»

— Это — мое убеждение! Ну, ладно, Витка. Извинись, будущий великий инженер-электрик Виктор Магилитович!.. Ты, же, так и намерен просидеть в углу все вечер?

— Заиграй лютый оркестр. Борис пригласил Свегрючку, а коренастый, широкоплечий Виктор, неужелюе лукавый между танцующими, перешел в другой угол и сел рядом с зеленой маской. Робкий и застенчивый, он не решился ни заговорить со своей соседкой, ни пригласить ее танцевать. «Дурацкий характер!» — думал он. — Правильно сказал Борка: необщительный. Вот во всеальках, завязный танцор, артист, хохочет и мастер на все руки. С девушками смеет, но ни одной всерьез не увлекается. «Если бы я встретила хоть одну, которой я бы не понравился», — сказал как-то Борис Виктору, — вот такой девушкой я, пожалуй, увлекался бы». Конечно, Борис рисовался, но Виктор невольно подумал: «А как?.. Если бы я встретила хоть одну, которой понравился... Так нет, почему-то девушки чаще обращают внимание на форму, вроде Бориса, и не замечают таких, как я».

Размышления прервал Борис. Он подбежал запыльшавшим. В его волосах пестрели кружочки конфетти.

— Эх, Витка, какая незнакомка пописалась! Стрекозой одета... Фигурка Талии! Танцует — залюбуешься! Ладно бы с ней, на! Прямую в паре пойти. Но что меня удивило: она премье премии взяла в двух викторинах! В литературной и технической. Ты понимаешь, девчонка — и премью в технической викторине! Ленил ребята за ней толпой ходят. Подукивают, завлекают, а она за словом в карман не лезет, отбрыкает так, что любо-дорого! Грешни — ты же ее знаешь! — говорит: «Ах, жожи, жожи!» Согласен с Пушниковым: без коротышек пожеж женщина не женщина». А она: «А по-моему, без умной головы мужчина не мужчина!» Смотри, смотри! Сейчас она из-за елки выйдет!..

Незнакомка шла, будто плыла, чуть покачивая марьявными крыльцами. И верно, вокруг Стрекозы шмыкали унылые ребята. Она оборачивалась то к одному, то к другому, сверкая улыбкой четко очерченных губ. В зале уже спрашивали: «Кто эта, одетая стрекозой? Откуда она?»

Борис всколыхнул: — Сегодня Стрекоза — королева вечера. Витка, за мной! Давай отошдем асех парней! Принципиально!

Виктор меллся.

— Идем, идем, говорит тебе! Раз я за это взялся!

Уже через десять минут он зашел с ней

разговор, и остальные ребята стали отставать. Борис шутя по адресу Витюхи, представлял его рассеянным чудачком-изобретателем. Виктор веселоже шлепал и молчал, не понимая, для чего он понаблюдил своему приятелю. Зато незнамка быстро разгадала:

— Вы используете нашего молчаливого друга как ослезок моего остроумия? Нехорошо! — Витя! — выкрикнул Борис, бравурно. — Нам не понимаем в этой галатее! Айда в другую! — Но продолжал идти рядом со Стреловой, приставив к одному из них же, впрочем, сом: — Скажите, кто вы, прекрасная незнамка?

— Ну зачем вы меня называете прекрасной? — В голосе ее прозвучала нотка грусти. — Грубая лезть, не бойся! — Я вижу вашу улыбку, вашу грацию, слышу ваш голос... Дорогая Стрелочка, я взят вами в плен и теперь все время буду думать только о вас! Потребуйте от меня что угодно, и все сделаю!

Стрелова лукаво улыбнулась:

— Только одну вещь: винограда. Больше ничего!

— Да вы смеетесь!.. Вы же знаете, что не только у нас в буфете, но вряд ли во всем городе...

— Знаю. Видите, как нелегко выполнять мои желания. Нелегко, потому что не люблю хвастунов и болтунов. Но сегодня весь вечер действительно буду с тем, кто доставит кисть винограда.

Узнав в своем кавалере того докучива с черными усиками, что стоял в вестибюле у колонны, Стрелова беспоядно внаоса уклонила его самолюбие. Она капризничала и торжественно, настаивая своей властью. Ничего, раз в год это можно позволить себе, а потом снова книги, конспекты и учебники, снова напряженная работа... В этот единственный вечер можно позволить себе помыслить на самодурными красавицами, которых привлекают легкомысленные попрыгуны. Пусть мечтают, пусть создают в своем воображении красавицу.

Танцевала незнамка легко, точно порхала. Борис был в восхищении от ее ума, улыбки, сияющих глаз.

— Я почти влюблен в вас, — шептал он во время танца. — Мне бы только взглянуть на ваше лицо без маски...

— Откажитесь!

— Не шутите! Вспомните Лермонтова: Над под таинственной холодной полумаски Заучил мне голос твой, отрадный, как мечта.

Заочник Борис с неожиданнанием для самого себя возмечен:

И что-то шепчет мне, что после этой встречи Мы вновь увидимся, как старые друзья!

Стрелова вздохнула:

— Хорошо писал Лермонтов! Вы тоже поэт? — Опять шутка! Скажите, когда мы можем встретиться?

— Накого.

— Ответ задел самолюбие Бориса. Он не отставал от Стреловой ни на минуту. В буфете они пили кружон, выжили по бокалу шампанского. Борис без усмешки говорил:

— Это сама судьба! Я мечтаю, что встретил вас. Умолю, если не здесь, то в коридоре или в вестибюле снимите маску на одну секунду!

— Лицо Стреловой вдруг изменилось, точно набежала тучка, стало серьезным и задумчивым. Голос Бориса звучал теперь глуше, и Нора показала, что в нем появились нотки искренности.

— А если я совсем не то? Некрасива или урод?

— Клянусь, мне все равно! — Борис жарко пожимал ее руку.

— А если я все-таки не то, что вы ожидаете? Не слишком ли пошлени ваши клятвы?

— Если нет? Тогда я вам скажу, что не в красоте дело. Красота — пустой звук, одна условность! Я предпочитаю чужую душу и глубокий ум смалой рожице.

— Всегда предпочитают то, чего недостает самим.

— Не смеяться... Я говорю серьезно.

— А куда исчез ваш друг? — неожиданно заинтересовалась Стрелова, переводя разговор с большой темой в обычное русло.

— Виктор? Он ведет светотехники. Видно, ушел на смену проверять световую надпись «С Новым годом!». Чудак!

И Борис снова стал упрашивать ее снять маску. Упомято незнамкою раздражало его любопытство. Ему хотелось любыми средствами добиться своего. Но чем больше он просил, тем грустнее становилась Стрелова.

— Не портите мне вечер, — говорила она, — я вас очень прошу.

Борис не отступал.

— Есть у вас хоть капля уважения ко мне? — горько говорил он. — Прошу во имя этого! Неужели в ваших глазах я уж так мало интересен, которому... Нет, вы много безжалостно игнорируете! Вы жестоки! Хотите, я при вех стану на колени перед вами?

И Стрелова сдалась.

— Хорошо, — сказала она сурово и холодно. — Я выполняю вашу просьбу за четверть часа до начала Нового года.

Прежняя веселость сразу оставила Стрелову, хотя Борис всячески сменил ее и заставил вынуть еще бокал шампанского.

Без четверти двенадцать она сама взяла его за руку.

— Идемте!.. Сбежав по лестнице, они спустились в полуосвещенный коридор и остановились у окна. Стрелова дрожащей рукой сняла маску и прислонилась к стене.

— Смотрите!.. И не клянитесь никогда наперед...

ша и веселые крики, доносившиеся из зала, заглушили все же другие шумы, и она не слышала, как открылась входная дверь и на лестнице показалась фигура в пальто, запропорошенном снегом.

— С Новым годом! С новым счастьем! — послышалась чей-то знакомый голос.

Стрелова обернулась на голос, перед ней стоял приятель Бориса и протигвая свертков.

— Виноград! Извините, что поздно. Весь город обегал...

Все еще всхлипывая, Стрелова соскочила с подоконника, выпрежимась перед Виктором и в каком-то испуге кричала:

— Теперь вы видите меня без маски! Видите? Ну вот, и можете забрать ваш виноград!.. Но Виктор, казалось, не слышал ее. Он пристально всматривался в лицо Стреловой, и вдруг дрогнули его упруго сжатые губы.

— Скажите, как вас зовут? Нора, да?

— Не все ли равно... Ну, Нора...

— Нора? Не с вами ли я вел когда-то перепику?

Стрелова оттолкнулась от стены, ее рука протянулась к Виктору, но тотчас же опустылась.

— Забирайте сейчас же ваш виноград! Я его не возьму! — твердо сказала она.

— Почему?

— Потому, Виктор Коршунов, что вы тоже увидите, как и ваш приятель, потому что вы только игнорируете роль и теперь просто сгидитесь сразу отступить, потому что вы... Нет, я не верю — слышите! — не верю ни одному вашему слову!.. И вообще мне ничего не надо...

Она судорожно всхлипывала.

— Как вам не стыдно, Нора! А я считал вас героиней! Не такую представляли, когда прочитал в газете... Да у вас не хватит силы и мужества войти без маски со мною в зал!

— Это правда? А она улыбнулась сквозь слезы.

— Дайте мне руку!

Его рука была горячей и крепкой. Опираясь на такую руку, можно было идти смело не только в зал, но и по жизни со всеми ее трудностями и невзгодами.

г. Владивосток.

„БОЛОС ИЗ КАМЕННОГО ВЕКА“

• УВЕЛЕНИЯ И РАЗОЧАРОВАНИЯ СИМОЧКИ.
• РАЗГОВОР О ПОДВИГЕ ДЫМ!
• ХОРОШО БЫТЬ МОЛОДОМ!

Бор. КОЛЕСНИЧЕНКО

Рисунок Е. Ведерникова.

Н очью. Обнявшись с горизонтом, спит казавская степь.
Прячась в высокой пшенице, зыбется железная дорога. По рельсам, разрывая тишину протяжным «уу-ууу», мчится на восток поезд. Я стою у открытого окна вагона, улыбаясь.

Вот она, целина!

Мысленно хочу представить недалекое прошлое. Зима. Ночь. Пурга. Трактор медленно тащит вагоны, в которых трудно удерживать тепло. В вагоны чашечкой к чашечке сыплет дробь и хлопья. Умыло вост ветер, но упрямо, разрывая фарам мрак ночи, движется по степи синий свет. Сквозь завывание ветра доносится песня: «Мы кузнецы, и дух наш молод.»

Но картина получается какой-то туманной. Видно, мешает сосредоточиться пьянящий аромат поспевающей пшеницы.

Пытаюсь я заглянуть и в будущее.

Пройдут года. И быть может, здесь, на этих цветущих просторах, воздвигнут блестящий памятник. А на нем громадными золотыми буквами напишут: «Комсомольцам пятидесяти годов»...

Над степными просторами вспыхивает золотая заря. И тут мое радужное и идеальное прерывает неожиданной шум в купе. Я поворачиваю голову к двери, но снова тихо. Теперь уже мысли мои текут совсем по другому руслу.

«Если бы она вышла!» — думаю я.

Она — это моя подружка, Катя Васильевна. Элет к родным в Сибирь. Работала она электросварщицей на Урале. Строила комсомольскую дому. Дому недавно задали, и Катя собралась в отпуск. А потом, по ее словам, поедет в Братск или Темур-Тай.

Ехал я с ней вတဲ့ стурк. За это время Катя успела порассказать мне столько о своей стройке, что я знал уже по фамилиям чуть ли не всех домостроителей. Нельзя было не почувствовать, что крепко, как нечто живое, полюбила она свою дому, что любит и гордится своей специальностью строителя.

Вчера поздно вечером разговорились мы с Катей о преимуществе различных профессий. Дошли до строителей. И я, откровенно говоря, решил ее «поднавестить».

— Строитель, строитель! А что в этой профессии хорошего?

Она ни слова. Ну, думаю, все, «убил своим вопросом». Уже торжествуя. А Катя вдруг задумчиво заговорила:

— Когда я однажды спросила об этом у своего прораба Акимы Ивановича, который двадцать пять лет строит, то она мне ответила: «Нас не ставят, но стройки наши будут жить, а в них — мы. Стройки — это наши памятники. Люди помнут нас добрым словом. А это, Катенька, самое главное в жизни...» Эти слова я не забуду...

Неудобно мне стало из-за своей глупой шутки. Преромбала тогда это несмешное и послепидый выли похурти. Когда я вернулась в купе, она уже спала.

...И вот я стою у окна и думаю о Кате: «Неужели она не выйдет?»

Не знаю, в самом ли деле бывает так, что

когда человек сильно чего-то желает, то оно сбывается, или Катя тоже любима встречать посыл солнца. Так это или иначе, но спустя несколько минут дверь купе медленно открылась, и я увидел Катю. Она тоже подошла к окну, и в ее голубоватых глазах заискрились первые лучи показавшегося солнца.

— Мечтаете? — спросила она.

— А строитель все спит? — ответил я в тон.

— В отпуске человеку положено спать. Так советует медицина, — засмеялась она.

...Мы замолчали. Большое красное солнце поднималось все выше над горизонтом. Я посмотрел на Катю и подумал, что такие глаза могут быть только у человека, по-настоящему счастливого. Они как будто говорили: «Как хорошо, что я живу!» Поэтому я ничуть не удивился, когда услышал:

— Хорошо быть молодым!

Я хотел что-то сказать, но она продолжала:

— Это утро напоминает мне стройку... Признайтесь: я вам еще не надоела своей донной? Нет? Тогда слушайте... Это было примерно месяц назад. Работа — организована из бригады Фелора Фуйфаченко — «запорожцы». По дорочному графику кончался срок кладки купола воздухоподогревателя, а у них еще на день работы. Обидно ребятам стало. И они решили домой не идти. Остались работать ночью. Приходим мы утром, они как раз кончат кладку. Солнце уже взошло. Соисем такое же, как сейчас... И вот на куполе вдруг появляется флаг. Красиво: флаг, ветер, солнце... а они, черт, стоят на этой вертушке и что-то развеселое такое громко поют. Все по-

таивались к ним. Собралось нас человек сто молодежи. И такой мы концерт закатали! Никогда я еще с таким удовольствием не пела...

— Да, в жизни много подвигов, — сказал я.

Но Катя, к моему удивлению, не согласилась с этим:

— А на мой взгляд, подвигов сейчас нет.

Я не понял ее?

— Ну, понимаете, как бы вам сказать...

Трудно словами объяснить. Я лучше еще один случай расскажу, хорошо?... Это уже почти на финише стройки произошло. Надо было подключить нашу дому к системе охлаждения.

Если рассуждать равнодушно, то это значит — надо было остановить действующую дому, слить горячую воду, а потом уже подключить.

Сами понимаете, что это длинная история. А дороб был каждый час. Ведь дали мы слово строить еще на месяц раньше правительственной ське. В общем, было над чем задуматься ребятам из «Сантехмонтажа». От них теперь зависело все... И решили они подключить немедленно. Отчаянное это дело было.

Собрал прораб Королько комсомолцев. Объяснил им ситуацию и спрашивает: «Кто пойдет?» Все подняли руки. И знаете, пришлось браться жребой. Счастливицами оказались трое: Иван Коротченко, Иван Гусаков да Пета Чубанок. Семь часов трудились ребята в тесном туннеле, рискуя жизнью. Ведь вода горячая и под напором. В туннеле лар, дашить туннелю, а им надо царить с головой, чтоб нижные болты фланца превратить... Молоды ребята, справились!

Катя смюкла, поправила прядь волос, которую ветер сдвинул ей на глаза, и спросила:
— Как по-вашему, что это?

— Подвиг,— ответил я.
— Правильно, но это с одной стороны, а с другой — это ужас не подвиг. Знаете, что эти ребята ответили вашему брату-корреспонденту, когда он их попросил рассказать о подвиге? Петя Чубанюк ему сказал: «Да какой же это подвиг, товарищ корреспондент? Нам просто повезло. Ведь каждый мог оказаться на вашем месте. Да и героического в этом ничего нет. Просто побанились без отрыва от производства...» И они правы. Ведь руки-то все поднимали!

Я молчал. Она снова заговорила:
— Понимаете, подвиг стал как бы будничным делом. Каждый носит его в душе.

Я понял, что хотела сказать мне Катя, но согласился с ее последними словами не мог. Я достал из внутреннего кармана пиджака письмо, которое явилось причиной моей командировки, и протянул его Кате.

— Вот, прочтите.
Катя удивилась такому неожиданному повороту нашей беседы и с любопытством взяла письмо.

Это письмо недавно переслала в редакцию одна девушка, которая просила помочь своей заблудившейся в жизни подруге. Я приведу его здесь.

«Наночка, здравствуй!

Все же и собралась тебе написать, не удавалась. Помню, в институтские годы мечтала я о том, какая у меня будет замечательная жизнь после окончания учебы. Но — увы! Вечные и несущественные мечты. Ты понимаешь, все время куда-то спешить, каждую минуточку с чем-то опаздываешь. И так всю жизнь! Мне кажется, что первообытные люди были в сотню раз счастливее нас, хотя и не знали, что такое театр, такси, рестораны и другие блага цивилизованного общества.

Как живу? Плохо. Новосибирск мне не нравится: Сибирь есть Сибирь. Разве можно его сравнить с Москвой? Нет, я пожертвую всем, но вернусь туда. Не думаешь ли ты уехать? Давай вместе.

Новостей особых нет. По субботам и воскресеньям «от нечего делать» хожу в студию и чуть рисовать. Успешен? Буду лучше молчать. Но могу обещать. Это значит, что мое новое увлечение — художник.

Я, конечно, не долгу буду заниматься этим видом искусства. Меня прельщает другое: наш начальник приобрел роль. Сейчас я ишу учительницу, которая смогла бы заняться мною.

Ниноль! Пишу, а передо мною лежит фотография. Помини, после 4-го курса фотографировался? Ежедневно я рассматриваю ее. И ежедневно кончается тем, что я готова разорваться. Жаль мне своей кнопочки, обидно за то, что жизнь проходит бессмысленно. Мне непонятно: зачем я родилась?.. Глупо? Может быть!

На этом кончаю. Нет настроения.
Пишу. Ведь письма — это мое единственное здесь утешение. Пускай они напоминают нам прошлое, время светлых надежд.
Целую тебя. Твоя Симочка».

Прочитав письмо, Катя несколько секунд молчала. Потом спросила:
— Как оно попало к вам?

Я пояснил ей.
— Да-а... задумчиво произнесла она.— Вы будете писать фельетов?

— Вероятно.
— Оставляйте его знаете как? Голос из каменного века... Подходит?

Но я думал о другом:
— Что бы вы, Катя, ей ответили?

— Мне ее просто жалко,— сказала она, помолчав.— Институт ей, кажется, пошел не на пользу.

— Как это понимать?
— Очень просто. Я уверена, что, попади она вместо института к нам на стройку, никогда бы не написала такого дикого письма. Катя вновь замолчала. Ее взгляд был устремлен вдаль, к горизонту, где вырисовывались контуры целинного совхоза. Я смотрел на нее и думал: «Какая пропасть лежит между ними, между Катей и той, с которой мне завтра предстоит встретиться!»
г. Свердловск.

Пушистый снег, стремительный спуск на санках с крутой горы, звонкий, веселый смех... Кто не вспомнит свое детство, глядя на этих ребят?
Фото В. Кулакова.

Хороша уральская зима!

Фото Е. Ткаченко.

НАШ
ФОТО
КОНКУРС

НА СТРОЙКЕ ТОМСЬ-УСИНСКОЙ ГРЭС

На одном из участков строительства Томь-Усинской ГРЭС. Здесь сооружается котельный цех главного корпуса.

Зимой 1953 года в село Безруново, расположенное в пойме реки Томь, прибыл небольшой отряд строителей. Новоселы строили бараны, вырубали кустарник, готовили площадки для будущих сооружений. А когда земля освоилась от снега, они приступили к осуждению болот и прокладке подъездных путей. Так в центре Горной Шории началось сооружение крупнейшей в Советском Союзе теп-

ловой электростанции — Томь-Усинской ГРЭС.

Строительство разрасталось. Со всех концов страны, в одиночку и группами, приезжали сюда молодые рабочие, техники, инженеры. Многие из них прибывали по комсомольским путевкам.

Томь-Усинская тепловая электростанция-гигант будет питать своей энергией мощные заводы, шахты, железные дороги, хими-

ческие, металлургические и другие предприятия Кузнецкого бассейна. Она позволит полнее освоить неслетные богатства угля, железной руды, магнезита, цветных металлов, которые хранит в себе недра этого района Сибири.

Стройка ГРЭС объявлена комсомольско-молодежной. Чувствуя себя ответственными за судьбу строительства, комсомольцы, молодые строители показывают примеры самоотверженного труда.

Нынешней весной, когда уже определился срок пуска первого турбогенератора, на стройку обрушилось стихийное бедствие. Обычно непроливная в Шории, весна вдруг принесла обильные дожди, они вызвали бурное снеготаяние. Топь вышла из берегов и, миновав защитную дамбу, подошла вплотную к дороге, грозя стразить поселок от строительной площадки, затопила насосную станцию. Работы были прерваны. Тогда теплоэлектростанционная бригада Михаила Белокурова собралась попутными путями их в котлован и так продолжали откачивать воду, пока угроза не миновала. Две недели боролся люди с большой водой и вышли из схватки победителями.

Приближился самый ответственный, пусковой период. Комитет комсомола собрал слет молодых строителей, который объявил ударными все решающие объекты строительства, призвал молодежь широко применить передовые методы труда, перевыполнить нормы выработки не менее чем в полтора раза, брать пример с бригады арматурщиков Николая Кучеренко. Николай Кучеренко приехал на строительство ГРЭС недавно. В прошлом машинист и слесарь, Кучеренко быстро овладел специальностью арматурщика, стал бригадиром. Изучив фронт работы и присмотревшись к товарищам, он по-новому организовал труд бригады. В первый же месяц бригада собрала девятью тонами арматуры, выполнив задание на 340 процентов.

— Сначала никто не верил, — вспоминает Кучеренко. — Раньше эту работу выполняли двадцать семь человек, а мы делаем всеюром.

На бригаду Николая Кучеренко равняются теперь все молодежные бригады стройки. Недавно У строителей Томь-Усинской ГРЭС был большой праздник: вступил в строй первый турбогенератор мощностью в 100 тысяч киловатт. Сейчас коллектив строителей работает с небывалым подъемом, приняв новое высокое обязательство к открытию XXI съезда Коммунистической партии датки страны ток второго турбогенератора.

ФОТО И ТЕКСТ
Ф. КОРОТКЕВИЧА.

Наступил обеденный перерыв. «Шире круг, ребята!»

Владимир КОРКИН

Ленин

Стригает время черточкой.

Но строже

Оно черты бессмертия

хранит.

Он теда любил и дорожил,

Что им одной морщинкой

не забыт...

И ты хранишь его портрет

У сердца носишь партбилет.

Юрий МЕЛЬНИКОВ

Партии

За Истрию снаряды громыхали,
Партизм на развалинах рассвет,
Парторг полка в то утро на привале
Торжественно вручил мне партбилет.

А к вечеру задела грудь осколком —
У ярменной пушки точен был прицел.
В кармане оловянный гимнастерики
От крови партбилет побагровел.

Метет метель, метет...

И в Подносовье

Давным-давно утки последний бой,
Но с той поры я крепко спал и крою,
Моя родная партия, с тобой.

Борис КОМСКИЙ

Я беспартийным не был никогда...

Я беспартийным не был никогда...
С тех пор, как в переполненном сельбуде!
В тридцатые тревожные года —
Вступать миль не вступать —

решали люди,
Когда кулачки злобные глаза
Глядели в мир сквозь прорезь
револьвера,—

Я потанцусь и тем, что были «зав»,
Я потанцусь и к великой вере.
Когда мне красный галстук повязал
Партизе седоборовый с «Арсенала»
И вся страна —

не только школьный зал —
Моям словам взволнованный внимава,
Когда я произнес «всегда готов»,
Взметнута ладонь в салюте перед строем,
Я знал:

весь мир голодных и рабов
Своей ношей, светлым мир построит!
Я мог некоммунистом жизнь прожить —
За партию к заветной нашей цели.
Не зря

«Другого нет у нас пути»
На комсомольских митингах мы певли.
Но в то лихое ваяльное лето,
Когда враги ползли за танком вслед,
Я в бой не мог идти без партбилета,
Мне нужен был

как сердце,

партбилет.
И комиссар принес его в блиндаж,
Чтоб мне вручить, пехотному солдату...
Но разве можно мой партийный стаяк
Отсчитывать от той военной даты!
И нужно ли подсчитывать года
По протоколам и анкетным спискам!

...Я беспартийным не был никогда,
Родившись в поколение большевиков.

1 Сельбуд (учр.) — сельский клуб на Украине.

Л. Шилловский. (Москва).

В. И. Ленин среди делегатов III съезда комсомола.
Всесоюзная художественная выставка «40 лет ВЛКСМ».

Р. Галлицкий. (Ростов-Ярославский).

На степи.

Восковая художественная выставка «40 лет ВЛКСМ».

НАСКОЛЬКО ДРУГ

В бескрайних степях Алтайского края, на берегу быстрой Аленки, раскинулось село Пославина. Когда холодные ветры приносят в Пославку бураны, шумной и неприветливой становится степь. Завоет она на разные голоса, порывы ветра с ног выветывают, а такую погоду охнуть успеваешь в степи, заметает его снегом так, что не отыщешь до своей вьюсы...

В одну из таких вьюжных ночей привезли в местную Больницу обгоревший и почти замерзший целинник.

— Врача, скорее врача!— шумел в приемной чей-то громкий голос.

Я поспешил к пострадавшему. На носилках без сознания лежал русский парень лет двадцати пяти. Лесья почти не прослушивались. Из паспорта я узнал, что пареда мной оказался из Пославки Афанасий Сосненко, о трудовых подвигах которого не раз писали в газете.

Когда я вышел из перевозочной, ко мне подбежал молодой человек в солдатской шинели без погон. Волнуясь, он спросил, будет ли Сосненко жить. Потом он ежедневно появлялся в приемной и спрашивал:

— А что Сосненко?

Позднее мне удалось узнать причину волнения этого шутливого парнишки в военной шинели. Оказалось, он давно и крепко дружил с шофером Сосненко. Именно этой дружбы я и хочу рассказать.

***

У себя в деревне, на Кивачино, Сосненко сидел лицом шофером и вестал парнем.

Когда партия и комсомол бросили клич, призывая молодежь на целину, Афанасий подал в райком заявление. С комсомольской путевки приехал он в Пославку, получил здесь машину и снял угол в крестьянской хате.

Дня через два после его приезда в новые края произошло незабываемое на первый взгляд событие.

Ночью Афанасию послышался стук в ворота и чей-то крик. Накинув на плечи пальто, шофер вышел на улицу.

— Товарищ, не знаете, где можно угол снять? Всюду битком набито...

Афанасий присмотрелся — в ворота стоял невнятного роста парнишка лет двадцати трех в военной шинели. Окинув парня критическим взглядом, Афанасий грубо ответил:

— Тут тоже занято!

Парень извинился и зашагал дальше.

— Ишь ты, вежливый какой!— подумал Афанасий, и ему почему-то стало жаль парнишка. Сожалетьшись, он крикнул:

— Эй, подожди, с хозяйкой переговорю!

Но парень уже исчез в темноте. Может быть, Афанасий так и забыл бы о случившемся госте, происшедшем на холсте, да случилось еще одна встреча с ним.

...Страдная пора подходила к концу. Утренняя заморозка становится все холоднее и холоднее. Воздух был чистым и прозрачным. По степным дорогам цепочками тянулись к Пославке автомашины с зерном. Афанасий, как и все шоферы, торопился пойдти бурани, остановится работа, завернется планди.

В один из таких дней, приглушив мотор, он подошел к шоферу, грехившим у костра на привале. Чужаке от мауга, в заселенных комбинезонах, друзья что-то принесли, сидели молча. «А ну, хлопцы, давайте нашу украинскую»,— предложил никогда не унывавший Сосненко. Кто-то крикнул: «Завелай, Афанасий!»— и он начал любимую «Ой, при лужку, при луно»... но вдруг осекся: взгляда его упал на паренка, молча грехившего у костра. Да ведь это тот самый паренек, что неделю два назад сидел пристаница!.

Афанасий подошел к нему, спросил, где он устроился, как живет. Разговорившись, он узнал, что зовут паренка Павлом Емельяновым, что родом он из под Пскова, что отец его погиб на фронте, а мать умерла.

— С кем же ты жил?
— В детдоме.

— А потом?
— Потом служил в армии. Недавно демобилизовался и по путевке комсомола приехал на целину.

После этой встречи Емельянов переселился из общины к Афанасию на автострой, и стал помогать вместе, хотя многие удивлялись, как они ладят: так нехорожи были их характеры.

Как-то в последних числах ноября Афанасий отправился на «губинку» за хлебом. Он нагнул машину первым, а выехать пришлось последним: мотор забарахлил. Надвигались сумерки, когда Афанасий тронулся в стокилометровый обратный путь к Пославке. Из-за снеговых вершин выпала тяжелая туча, заволочила горизонт. Поднялся ветер, снег застилал дорогу густой марлей. Ехать с каждой километром становилось труднее. Афанасий несколько раз останавливался, проверяя, не бился ли с колес.

Короткие сумерки сменила ночь. Буран усилился. Фары машины уже не пробивали мглу, но Афанасий ехал, не снижая скорости. Вдруг сильный толчок выбил руль из рук. От удара Афанасий на несколько секунд потерял сознание, а очнувшись, увидел: голый мотор. Видно, машину погнала в канаву.

Афанасий с трудом открыл дверцу кабины и инстинктивно равнялся в сторону от пылающей машины: еще бак с бензином взорвется! Но тут же мелькнула мысль: «Сгорит зерно!» Минуту Афанасий раздумывал, потом подбежал к кабине и открыл дверцу. Пламя ударило в лицо, опалило ресницы, брызнула искра, но Афанасий не остановил Афанасия. Обстояние горящее сиденье, он скватил

отвертку и молоток и, отворившись от огня, в нескольких местах пробил бак. Воспламенившийся бензин полился в канаву...

Через несколько минут пламя утихло. Афанасий стоял у машины, глаза его слезились, обожженные руки и лицо нестерпимо болели. «Что делать дальше!— думал он.— Идти пешком бессилено: пурга заметет. Надо остаться у машины. Может быть, случайный проезжий заметит». Обессиленный, он опустился на снег спиной к ветру, надвинул шапку, поднял воротник. Голова тяжелела, сплывали веки, а снег все падал и падал...

— Павел Емельянов, приехал домой в шестом часу вечера, удивился, что Афанасия до сих пор нет дома. А когда разрылся фары, обнаружил в контуре, чтобы сообщить об отсутствии друга, но по случайно субботы в контуре никого не оказалось. И в общинке Павел никого не видел, кроме шофера Кости Кубаткина.

— Афанасия сам черт не возьмет,— сказал Кубаткин.— Приедет, никуда не денется!

Павел заглянул в клуб, но все-таки не шло в голову: «Что случилось с другом, почему он задержался? Предупреждать беды теснило грудь. Наконец Емельянов выдержал, побоялся к дому, где стояла его машина, завел ее и выехал в бующую бурю. Спидометр уже отсчитал более двадцати километров, но никого по дороге Павел не встретил. Несколько раз он останавливался и, выйдя из машины, кричал что есть мочи: «Афанасий! Эгей!— но никто не откликался.

Буран слабел, небо светлело. Неожиданно Павел заметил в стороне от дороги темное пятно. Подъехав ближе, он увидел гайки Афанасия. Машина передними колесами провалилась в снежную щель, радиатор и кабину были изуродованы. Афанасия возле машины не было.

Рисунок А. Паукова

Павел заглянул в щель, покружившись у машины и вдруг заметил страшный сурб, из которого торчало что-то черное. Подошел поближе — воротник полубуха.

Павел лихорадочно принялся разгребать снег. Освободив друга из снежного планди, он растерзал его полубухом, прижмыкнул к груди: может, есть еще какаки-нибудь надежда! И, услышав слабое биение сердца, обрадовался: жив, жив! Не теряя времени, он подтащил Афанасия к кабине своей машины, кое-как завез на сиденье, сбросил с себя полубух, укутал им друга и пошел к Пославке.

...Первые дни Афанасий был очень слаб. Гурьбой ходили а больницу шоферы справляться о его здоровье. Костя Кубаткин где-то достал моченых яиц и с тех пор стал «главным» по переднему. Он мог раздобыть все что угодно. Умудрившись даже переслать другу бутылку водки, за что получил замечание от врача.

Афанасий Сосненко поправлялся, но на лице и на руках все оставались повязки.

Однажды в больничной «дежурке» повязала девушка. Она сказала, что приехала с Кивачино и хочет увидеть Сосненко. Когда об этом передали Афанасию, он разволновался, «нае алукайта Нарто. Он не алукайта!»— кричал он сестрам. Через несколько дней мы все-таки впустили девушку в палату вместе с Павлом Емельяновым. Среди лежащих в палате больных Нарта скорее угадала, чем узнала, Афанасия. Она бросилась к кровати, опустилась на колени. Афанасий обнял девушку, потом приподнял повязку со лба и увидел Павла.

— Настя,— сказал он,— вот он, настоящий друг мой, Павел...

Н. ЗОЛУТУХИН,
врач.

Алтайский край.

здал ему о городских новостях, о разговоре в узлом, похвалился, что слушал интересную лекцию.

— Знаешь что,— схватился Ефим,— перебежи эту лекцию у нас в совхозе для рабочих. Здорово будет! Идет?

«А договорился?»

Вечер выдался морозный. Шагая три километра до совхоза, я успел поговорить про себя почти всю лекцию. Казалось, все рассказано гладко, убедительно. Боридра уверенность в себе, а быстрая ходьба на крепком морозе подогрела эту уверенность.

В небольшой комнате собралось человек пятнадцать. Скамьи не хватало, и некоторые приютились на корточках у стен, другие сидели прямо на полу. Свет керосиновой лампы едва пробивался через клубы табачного дыма, оставаясь в темноте дающих углы. Суровый запах пропах махоркой, потом, сырой овечьей.

Вначале Ефим попусту рассказывал собравшимся о последних событиях: о четвертом конгрессе Коминтерна, где Ленин выступил с докладом, о нападении Лозаннской конференции. Видно, такие сообщения Ефим делал часто, и к ним привыкли. Слушали его, притихнув.

Потом подошла моя очередь. Говорить перед небольшим людьми мне деловое впервые, но как начать, я научил твердо, а дальше, если собьёшь, в руках у меня тетрадка, в которой все записано. И все же с первой минуты я отчетливо почувствовала беспомощность. Наконец поняла, отчего: прямо на меня в упор смотрели ало прищуренные глаза. Я сразу узнал Панютина— сына лавочника из соседнего села. Он, кажется, даже окончил университет, а слушает все только севчасовым совхозом. Панютин не отрывал от меня колоссального взгляда, тонкие губы его под редкими бесцветными усами кривились в презрительной усмешке.

«Ну и пускаяй смотри!»— обозлился я и продолжал говорить, стараясь не глядеть в сторону Панютина.

Иногда слушали внимательно. Вот молодой паренек в трухле, спознанным на затылок, сидит на полу и не спускает с меня добрых, жалких глаз; пожилой бородатый рабочий, наш, сельский, Евсень, держит в руке потухшую свечку, сложил куки и слушает; другой, незнакомый мне рабочий, присел на корточки у стены, усиленно дышит махоркой и по временам ломатит и без того распухшую бороду.

«Слушают! Интересуются!»— мелькает радостная мысль, и мне хочется проше, убедительно пересказать все, что я сам только вчера услышал. Они обязательно должны понять, что бога нет. Религию создали в древние времена сами люди, а поны воспользовались этим и стали наживаться на людской вере.

Так,— выдохнув с клубом дыма рабочей аэролампной бородой.— Стало, мороза одна? — Факт, мороза!— подтвердил паренек.

Убедил! Но не успел я порадоваться, как послышался голос Панютина:

— Имею к докладчику вопрос. Откуда вы взяли, молодой человек, все истинно, что так складно рассказывали нам?

Его издевательский тон мог кого угодно вывести из себя, и я ответил резко:

— Из науки. Из нашей пролетарской науки, гражданина Панютин.

— И что же из уважаемых пролетарских ученых преподает вам свои истины?

Что у мог ему ответить? Не признавать же, что только добросовестно пересказала слышанную лекцию! И в результ:

— Энгельс... И Маркс тоже...

— И вы их читали?

Чего он признавался? Какое ему дело, что я читал? При чадней попытке мы прочитали речь Ленина на третьем съезде комсомола, несколько тонких брошюр по текущей политике да кое в чем разобрались из «Азбуки коммунизма», а Маркса, Энгельса... И я сердито сказал:

— Что надо, то и читал.

— Очень хорошо!— усмехнулся Панютин.— А известно ли вам, молодой человек, что великий ученый Чарльз Дарвин сам был глубоко верующим христианином?

Кто такой Дарвин, признаюсь, я не знал, но раз он верующий, значит, не наш.

— Дарвин— ваш ученый, буржуазный, а Маркс и Энгельс пролетарские: они в бога не верили.

— Дарвин— великий естественствователь, и некоторые из его положений, если я не ошибаюсь, вы приводили в своем докладе.

— Мы берем из буржуазной науки то, что верно,— напелся я.

Теперь уже Панютин говорил без злобы: он просто издевался, унижал меня перед всеми моим же невежеством.

— Маркс и Энгельс— видные экономисты, но есть гиганты и философской мысли. Лев Толстой за основу всей жизни ставил величие божественного духа и противостоит ограниченности материализма...

— Чего же Толстой поны отлучили от церкви и предали анафеме?— обрadowался я неожиданной возможности срывать своего противника.

— Его отлучили церковники,— спокойно, даже снисходительно пояснил Панютин.— Вокруг религии напластовалось много нелепого, чуждого истинной вере. Толстой отложил религию от суеверия, выгоды церковникам, и они проклинали его. Но истина заключается в его учении, в том, что он глубоко верил в божественное начало...

Панютин уже говорил не мне, а всем собравшимся, и его слушали не менее внимательно, чем меня. Я с ужасом понял, что, зная больше, он скорее может убедить слушающего, и тогда вся моя агитация, все мои усилия пропадут даром.

До боя в палках я сжал в кармане полушубка шершавую ручку «бульдога». Мне хотелось выхватить револьвер и всадить все пять пуль в нагадю року врага. Но разве это убедит кого-нибудь в моей правоте, докажет, что бога придумали люди?

А Панютин продолжал говорить:

— Можно согласиться с докладчиком, что суеверия, вера в домовых и деших созданы самими людьми, но нельзя это смешивать с подлинной верой. Миром правит не материалистическая теория, а божественная идея, высший дух, которому подчинены все мысли и поступки людей...

— Дядю мудреное насчет духа-то,— пробасил Евсень.— Вы здесь какой крепкий дух— хоть топор вещей, а бога, однако, чего-то не видите.

Многие рассмеялись. А бородатый рабочий подлезая с корточек и, глядя то на меня, то на Панютина, требовательно спросил:

— Вы как видите суеверия? есть бог или нету? По его,— ткнул он пальцем в меня,— все выходит, вроде как и нет, а про его,— указал он на Панютина,— обратно вроде дух какой-то имеется.

— Нет бога,— выкрикнул я торжественно.

— Это доказать надо!— Лицо Панютина опять перекосило злоба, а глаза остервенело сверлили меня.— Надо доказать. А вы можете это сделать? Есть у вас научные доказательства? Нет у вас ничего, потому что вы ничего не знаете.

— Знаем!— прервал Панютина зловонный голос Ефима.

Он приоткрылся на окне позади меня. Во время доклада я раза два оглянулся на него и видел: доволен. Но когда нылсяopsis с Панютиным, мне стыдно было взглянуть назад: боялся встретиться укоряющим взглядом Ефима. Стыдно, что не могу сразить Панютина знанием, метким словом заставить его, подлая, замолчать.

Ефим двинулся вперед, встал рядом, тесно к плечу со мной.

— Знаем!— повторил он.— Хорошо знаем вас, гражданин Панютин. Рабочим эти ваши духи ни к чему. Они вам нужны, чтобы людям могли заступничать.

Особорательно зашумели рабочие, а Панютин сел, махнул рукой и даже отвернулся в сторону, всем своим видом показывая, что продолжает разговор ему неинтересно.

Мороз еще покрепчал. В обиде моргани звезды, обожженные холодом. Снег взвизгивал и хрюкал под ногами. Где-то вдалеко обложено выла с голоду одинокий волк.

И шел и прощали себя за то, что не мог найти нужных слов, которыми можно отстоять правду: за то, что я ничего не знаю, ничего дельного к семнадцати годам не прочитал.

Вдруг вперед, ближе отокоса села, сверкнули другие, зеленые, движущиеся.

Волки!

На момент я приостановился. По спине пробежал противный холодок. Но, выхватив из кармана «бульдога», я зашагал еще быстрее вперед. И когда опять блеснули на пути зеленые волчьи зрачки, я выпустил по ним все пять зарядов.

Гулко грохнула выстрел, испордил тишину ночи, охнул и замерла вдали.

На смену угнетенности появилось чувство какого-то безотчетного, отчаянного подъема. Я шагнул, не думая о волках, свихнул в руке разряженный «бульдога», и громко повторил себе:

— Знает маркс про Дарвина, дурак! Читать Дарвина надо! Учиться надо!

г. Староволь.

Сегодня в 11 м классе Людмила Ивановна Гашева проводит урок английского языка. А завтра она поведет своих воспитанников в цеха завода «Борец».

Ребята считают, что нельзя называть себя настоящим рабочим, если ты не знаешь, слесарь, как действует реостат или реле...

Встреча с жизнью

Зачем «об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР», призывает Верховный Советом СССР, отражает современную перспективу, что работа, хорошо делает все, что без общественной ответственности и участия в общественном труде воспитанием и производственной школе. Во многих школах с производственной школой совмещаются с производственной школой. Например, в 607-й московской школе успешно совмещаются с производственной школой. Например, в 607-й московской школе успешно совмещаются с производственной школой. Например, в 607-й московской школе успешно совмещаются с производственной школой.

Фото А. Моклецова.

Началось это так. Однажды после уроков классный руководитель Людмила Ивановна Гашева попросила ребят задержаться. Людмила Ивановна волновалась не меньше школьников.

— Ребята,— сказала она,— в школе у нас организуется одиннадцатый класс. Программу десятого класса мы, стало быть, будем проходить два года...

Десятник классики зашумели.

— А что это нам даст? — спросила Лера Плоткина.

— Специальность,— ответила учительница.— Три дня в неделю будем учиться, а три дня работать на заводе «Борец». Тот, кто окончит одиннадцатый класс, получит производственную специальность.

И ребята, может быть, впервые по-настоящему задумались над своей судьбой... До сих пор будущее представлялось им как-то очень неясно. Окончат школу, поладят заявления в институты. Многие, конечно, а вуз не попадут, разберется кто куда. И хорошо бы действительно получить с аттестатом зрелости и специальностью! Прямая дорога тогда открывается перед тобой. На любой завод, примут, и не нужно будет начинать с нуля.

Весь вечер Гашева говорила со своими воспитанниками. «Отцы и матери их работают на заводах, фабриках,— размышляла Людмила Ивановна.— Но вот смену им мы до сих пор не готовили...»

Как отнесутся десятиклассники к нововведению? За многих Людмила Ивановна была уверена. Володя Кондратьев, например, давно решил, что он будет отливать модели на заводе. Модельщиком решил стать и его друг

Слава Борисов. Эти ребята своей запальчивостью увлекали и других.

«Ничего,— думала Людмила Ивановна,— пусть решатся на профессию модельщика хотя бы из чувства солидарности. Потом сумеют выбрать специальность по душе. Главное, чтобы их увлекала сама идея...»

Через несколько дней школьники пришли в один из цехов «Борца». Десятиклассник прикрепился к опытным рабочим. Учителем Вовы Кондратьева стал молодой мастер Юрий Гуськов, и школьник начал осваивать новую профессию.

Юра Михайлов попал в ремонтный цех. Каждого токаря здесь именовали универсалом, и самым универсальным из всех считался его, Юри Михайловым, мастер— Владимир Заварцев.

Мальчик гордился тем, что мастер доверял ему станок, видимо, считая его толковым и подготовленным парнем.

Однажды мастер дал ему сыну и коротко бросил:

— Обточка, дружок, конус...

Юра задумался. Конус ему еще не попадался. Как же рассчитать угол?

«Тут я применю тригонометрию, очень просто,— решил Юра, но ничего не мог вспомнить из уроков тригонометрии. Вспоминались, почему-то лишь суть математики Михаила Константиновича... Синус применить или тангенс? Да и какая между ними разница?»

Подождал Заварцев.

— Засел, дружок.

— Да вот... Конус... Синус... Тангенс...

— Так это же в школе проходили, я и ты помню.

И Заварцев принялся объяснять.

Через месяц родители Юри сообщили Людмиле Ивановне, что их сын, который никогда не отличался усидчивостью, все вечера проводит за столом с учебником тригонометрии...

Конечно, далеко не все родители отнеслись с восторгом к школьной перестройке. Мама Валя Труфанова категорически запретила даже бывать на заводе. Но разве Валю переспоришь? Ведь ей поручили революлярный стенок!

После первого месяца новой жизни Людмила Ивановна заметила, что класс стал дружнее, в коллективе почувствовалась рабочая сылка. То, чего не могли сделать лекции о дружбе и товариществе и бесконечные разговоры на уроках об общей цели и единстве интересов, сделал завод.

— Людмила Ивановна, — сказал как-то Вова Борисов, — вот на заводе все помогают друг другу, а у нас каждый сам по себе. Давайте в школе жить так же, как в цехе! Начнем с общих консультаций по математике. Будем подтягивать друг друга...

— Что ж, давайте соберемся, обсудим. Собрание получилось не такое, как раньше. Никто не отмахивался, говорили искренне, горючо обо всех заботах и трудностях. Валя Труфанова рассказала, как ей тяжело приходится с алгеброй и физикой. Запустила она и геометрию. Вряд ли догонит класс, если ей не помогут.

— С кем бы ты хотела заниматься? — спросил ее Володя Кондратьев.

— С тобой, конечно, — сказал кто-то. — Ты у нас «главный математик».

Лера Плоткина заявила, что завод отнимает у нее слишком много времени, он «вмывает ее из колен».

— Ну, ты и до этого была троечницей! — замурмурал ребята.

Решено было дать Лере в репетиторы «энциклопедиста» школьного масштаба — Валерия Мушникова. Девочки тоже не остались в долгу перед ребятами. Лариса Ляндрес и Наташа Фурсева согласились помочь Юре Матакову и Вове Борисову.

Людмила Ивановна сидела и слушала. Ей незачем было, как раньше, «управлять» собрание, давать ему направление. Ее воспитанники сами деи его. Чувствовалось, что у школьников появилась объединяющая их общая цель.

Шли недели, месяцы. Однажды Наташа Пляхвина подошла к классной руководительнице и смущенно заявила:

— Людмила Ивановна, месяц назад мы делали в цехе гайки и иныче опять гайки! Почему нам не дают ничего другого?

Учительница посоветовалась с другими десятиклассниками. Все в один голос заявили, что Наташа права. И Людмила Ивановна вместе с ребятами решила побывать у начальника цеха В. А. Палеха.

Вот это была критика!

— Мы не можем заниматься только гайками, — говорила Наташа Пляхвина. — Пусть нас

В электроцехе завода «Борец» ученица 11-го класса Тانيا Прокопенчик ведет обмотку электромоторов.

и другому учат! Вот, например, резцы заточивать мы не умеем, они домаются... А мы не хотим приличияй государству убыток!

— Вы от нас отмахиваетесь, товарищ Палеха, — сказала молчаливая до сих пор Лера Плоткина. — Все сейчас только и говорят о связи школы с производством...

Начальник цеха согласился с ребятами и обещал, что у них будет и новый инструмент, и резцы, и станки им доверит те, которыми на слом пора, а современные.

Глядела на своих воспитанников Людмила Ивановна и думала: как повзрослели они, как выросло у них чувство ответственности за свой станок, свой завод, свою школу! А из этого рождается и чувство ответственности перед

Родной — самое драгоценное чувство советского человека.

Это уже не те неоперившиеся птенцы, которых обычно школа выпускала в жизнь. И когда придет время вручать аттестаты зрелости, она будет спокойна за своих учеников. Вместе с аттестатом им будет вручен второй, не менее важный документ — о присвоении производственного разряда... Людмила Ивановна думала о грандиозной перестройке системы народного образования, которую проводит партия. Теперь, после знакомства с заводом, она могла с уверенностью сказать: правильное это решение, своевременное...

Ю. ГРАФСКИЙ

Многие школьники уже приобрели специальности. Лариса Лоскутова стала разметчицей, Валя Вазингер — тонарем, Берта Рибчинова — контролером, а эти ребята, окружающие начальника цеха Виктора Данилина, — модельщиками.

ИЗ ПОЭТИЧЕСКОГО ДНЕВНИКА

Творчество поэта Ивана Молчанова тесно связано с комсомолом, молодежью, Комсомольские газеты и журналы, в том числе «Смена», были первыми «плацдармами» в его литературной работе. И в последние годы стихи Молчанова часто появляются на страницах журналов «Юность», «Молодой колхозник», «Советский воин», газеты «Комсомольская правда».

Несмотря на свой почти шестидесятилетний возраст, Иван Никанорович много ездит по стране. Только за последние годы он побывал в Нарьян-Маре и Ханты-Мансийске, в колхозах Калужской и Тюменской областей, на Белом и Баренцевом морях, в Смыткарке и Кудымкаре, на Вычегде и на Оби, на Иртыше и Тоболе. В этом номере мы публикуем новые стихи поэта, написанные в результате одной из таких поездок.

Рисунок Г. Васильева.

СТАРОМУ ДРУГУ

О юности грустить не надо
Тебе, чей путь был труден и суров.
Да, позадь свиновых лет громада...
Пусть осень подошла к ограде сада
И явственнее просеудь у висков,
О юности, мой друг, грустить не надо!

Шуршит листва по следу лета,
А впереди снега, снега, снега...
Но льдами не сковать строку поэта:
Ей хватит в жизни солнечного света,
Ей чужды реки замерзших берега,
Ведь в ней самой живут тепло и лето.

Взгляни вокруг: какие дали,
Какой простор для песенной мечты —
В странных рек плотнына гордо встали,
И звезды наши юности достали,
Оттая покой у звездной высоты
И покорив заоблачные дали!

Нам славына досталась доле:
Лет до ста в ногу с юностью идти!
И черствый хлеб, и тяжкий труд в неволе,
И жарким потом политое поле —
Все это где-то в дальнем «позади»...
Так в ногу с юностью! Вперед, в ее раздолье
Иди!

***

Каждую ночь затаненная
Мысль оживает, как сад:
Улица снится зеленая,
Маленьких домиков ряд.

Кама внизу многоводная,
Склон крутой огибает в воде,
Тучка над Камоею плотная,
И огород в лебедю.

Ветра таежского лениво,
Загад, что медленно гас.
Тропы в тайге. Возвращение,
И расставания час...

Длинная, длинная лестница...
Смех. И пожатые руки...
Снится мне, снится кудесница
С дальней таежной реки!

***

Что мне ночь и километры!
Что мне бунт заворонки!
Прилечь в вместе с ветром,
Постучусь в твоё окошко.

Может, вздрогнут эти плечи...
Спит бабуся...
Дремлют дети...
Спросишь: «Кто?» И я отвечу:
«Так, никто... Я просто ветер!»

ЛЮБА

Клонит ветер ветви дуба,
Листья падают, шурша...
Ой ты, Люба, наша Люба,
До чего ж ты хороша!

Ясноглазых разве мало,
Говоря по существу!
Но жемчужной Урала
Я одну лишь называю.

Опадает бархат рощи,
Долу клонятся цветы
От зазорной, от хорошей,
От пермичской красоты.

Блещут молнии-зарницы,
А луна белым-бела.
Это песня-чаровница
Волю-вольную звяла.

Ничего не надо, кроме
Этой лилии в реке,
Этой песенки на коми,
На пермичском языке:

«Шонды баны, шоны мамы,
Шонды баны оломя...»
И гудят лады баяна:
«Том оломят, том гайей!»¹

Гармонисту светает зряно
Очи — звездочки во мгле.
Люба блещет — небу жарко,
Жарко матушке-земле!

Расстелась Несмеяна,
Расстопила Лада льды...
У пожнншого баяна
Стали молодцы льды,

Появился голос новый,
Неизведанный досель...
Над поляной вересковой
Огневая карусель.

Зашумели горы, доли,
Струи лунные легли...
Были эти горы голы,
А сегодня расцвели.

Клонит ветер ветви дуба,
Листья падают, шурша...
Ой ты, Люба, наша Люба,
До чего ж ты хороша!

¹ «Юность солицидная
молодые самой молодости...»
(по-коми).

ГЛЯДЯ
НА ОСЕНЬ

Не вразнобой с календарем
Пришла она. Но — что за чудот! —
Сентябрь не смотрит сентябрем
И стужей не грозит покуда.

Нет, нет!
Совсем наоборот:
Вот миновало время зноя,
А в небе облачко плывет,
Сверкая легкой белюзною.

И разноцветна и пестра
Река у дальней переправы...
Раздунный добрая поря,
Ты мне близка,
Ты мне по нраву.

Наряд оранжевый осин —
Он сказки и мечты красивей...
Багрец, и золото, и смех.
Опять зовут в поля России.

И пусть шестой десяток лет
В дороге надвое расколот,
В такую синь и в знонь потот,
В такую осень снова молод!

Мне жить и жить, с трудом дружа,
В любую трудю искать отраду;
На сердце руку полова,
Скаму:
ниного мне не надо.

МУХОМОР И ТУЧА

Над тайгой туча проходила,
Выставив злое щечное края
То зубастой пастью крокодила,
То концами равного трьяня.

Вот уже и молния сверкнула
Острою стрелою вдальнее,
Словно дальнобойка громынгула,
Прокатилось эхо по тайге.

От дождя тайге спастись едва ли,
Он придет немного погоды...
Вот уже на старый кедр упали
Переме горошины дождя.

Ближе, ближе черной тучи тело,
Бушевать над лесом любо ей!
И в лесу мгновенно потемнело,
Скрылись птицы в темень ветвей.

Вынг, встревожен бешеной капелью,
Зашумел, завыл дремучий бор...
...Под высокой, густопапой елью
Шапку нахлобучил мухомор.

Спряталось под ель лесное диво,
Ель, его приравнявю спелю,
Сам себе твердил он горделиво:
— Мне-то что! Гроза мне не страшна!

Вдруг — удар! И ель затрепетала,
Молния упала в эту ель
И прошла, исполосовала,
До корней проделав в ели щель;

В шар земной ушла иглою тонкой...
А гроза кончала разговор.
Средь корней дымилась лишь воронка
Там, где рдел недавно мухомор.

Так иной от жизни скрыт надежню:
Мимо, мимо буря и борьба...
Только в этой жизни осторожной,
Теплой и неприторженной,
Мухомора ждет его судьба.

САЛЕХАРД

Вечеру появился над Обской губой
Полумесяц полнорный, как рог голубой.
И высокие звезды рассыпали дробь
В ликувато-свинцовую древнюю Обь.

Удивительна здесь и редка тишина!
И не спали олени у северных нарт;
И, казалось, уставший от бурь, задремал
На вечерней заре полустороз Ямал.

Задремала седого Урала гряда,
Задремала в ямальских озерах вода,
И над степным покровом опенного мха
Опустилась с высоты туманная доза.

Это только казалось...
Не спал Салехард,
И не спали олени у северных нарт;
Победа голубое сияние луны,
Электричество врезалось в мир тишины.

Грохотали лебедки. Большие суда,
Из морей возвратясь, приставали сюда,
Чтобы грузы забрать,
Средь с грузом, охота
В Заполярье с тяжелой волной воевать.

Здесь работа ведется и ночью и днем,
С красновоздушной страной на дымяне
одном,
На дымяне одном,
На одной волне...
Красен труд в заполярной ночной стороне!

Сцена из спектакля «Таня» А. Арбузова в постановке выпускников театрального училища имени М. С. Щепкина.

ТЕАТР ДВАДЦАТИ ПЯТИ ПРЕМЬЕР

О сенью минувшего года большая и дружная семья московских театральных коллективов пополнилась новым, двадцать седьмым театром. У этого театра, который получил название Учебного, самая юная труппа, самые молодые художники, гримеры, костюмеры. На его сцене выступают дипломники четырех театральных вузов Москвы: Государственного института театрального искусства имени А. В. Луначарского, школы-студии МХАТа, училища имени М. С. Щепкина и училища имени Б. В. Шуккина. Художественное руководство возглавляет народный артист СССР В. О. Топорков.

В Учебном театре созданы все условия для работы молодых актеров: здесь имеются хорошо оборудованная сцена, уютный зрительный зал, гримёрские, различные подсобные помещения. Вместе со студентами-актерами практику в театре проходят и будущие режиссеры-постановщики, костюмеры и бутафоры.

...Много интересных спектаклей увидят москвичи в этом сезоне. Студенты ГИТИСа покажут «Огни на старте» английского драматурга Т. Раттигана, «Шестеро любимых» А. Арбузова, «Чайку» А. Чехова и «Даму-невидимку» П. Кальдерона. Воспитанники училища имени М. С. Щепкина готовят «Походный марш» А. Галича, «Под небом Австралии» М. Бриенд, «Светит, да не греет» А. Островского и «Евгению Гранде» по роману О. Бальзака. Выпускники театрального училища имени Б. В. Шуккина выступят с пьесами «Таня» А. Арбузова, «Не было ни гроша, да вдруг алтын» А. Островского и проведут вечер, посвященный Б. Брехту.

Спектакли в Учебном театре идут лишь по субботам и воскресеньям, но зато почти каждый спектакль — это премьера. Давать глы новых спектаклей увидят москвичи в этом сезоне. С каждым сезоном репертуар будет целиком меняться.

На сцене Московского Учебного театра покажут свое искусство студенты театральных институтов Ленинграда, Тбилиси, Еревана, Вильнюса и других городов Российской Федерации и союзных республик.

Выступления в Учебном театре помогут молодежи, стоящей на пороге самостоятельной творческой жизни, приобрести необходимый опыт, овладеть сложным мастерством сценического перевоплощения.

Спектакль прошел удачно! Поздравить молодых дебютантов пришел за кулисы художественный руководитель театра народный артист СССР В. О. Топорков.

ОТКРЫВАТЕЛИ БОЛОТНЫХ КЛАДОВ

Торф. Что мы знаем о нем? До последнего времени обсолютную землю привыкли считать топливом, и только топливом.

Новые достижения науки позволили открыть в торфе удивительные свойства. Торф стал химическим сырьем. И не случайно поэтому в наметках семилетнего плана предусмотрено развитие такой отрасли промышленности, как торфохимия.

Какие же новые богатства обнаружены в торфе? Чтобы ответить на этот вопрос, заглянем в Институт торфа Белорусской академии наук. О болотных кладях расскажем тут, кто помогал их открывать.

1

Близ деревни Дукора, под Минском, находится опытная установка по производству торфа. Она принадлежит Институту торфа.

Вместе с двадцатипятилетним инженером-комсомолецким Петром Фалощиным мы поднялись во второй этаж, к тяжелым бакам-экстракторам. В них-то и происходит все «книжное» образование торфа.

Немало пришлось потрудиться, прежде чем опыт в Дукоре удался,—сказал Фалощин.

В лаборатории производство торфа выглядело просто. Размалываемый торф засыпали в экстрактор — полый цилиндр, в который подавался подогретый бензин. Бензин растворял торфяной воск, и темно-коричневый раствор — мисцелла — убада в стеклянный бак с блестящей пружинной змеевкой. Затем расплавленный воск густел, его обрабатывали кислотами, пока он не превращался в молочно-прозрачную хрупкую массу.

Другое дело в промышленном производстве, хотя и опытным. Здесь, в Дукоре, сначала все давалось с трудом: то неожиданно падало давление пара, то просачивался где-то в трубку бензин...

стоит восемь рублей, а килограмм призрачного — двадцать четыре. Приплюсовки к двум сотням тонн воска тысячу тонн брикета, которые будут давать предприятие. Получится, что завод окупит себя за три—четыре месяца работы...

2

Центральный научно-исследовательский институт механической обработки дерева. Здесь недавно испытывали новый тип торфо-стружечных плит.

Как изготавливались эти плиты? Научный сотрудник Института торфа Мария Баранчикова привезла в ЦНИИМОД торфяные плиты. Небольшой кусочек торфа, пропитанный фенольным клеем, который смешали со стружкой и, поместив под пресс, изготовили плиты. Высокую, плиты стали твердыми и легкими, как доски. Их можно было резать пилой, рубить топором, они держали тепло и не пропускали влаги.

Предстояло испытать новый материал на прочность. Мария Баранчикова очень волновалась: ЦНИИМОД давал оценку ее двухлетней работе. Черную плиту с белым крапчатеньким стружкой, напоминающую отслоившийся мрамор, положили под пресс. Чугунная ладонь пресса затрусила на мраморную поверхность. Стрелка манометра динилась по кругу. Назло, вот-вот раздается треск: 100, 120, 130... 150 килограммов на квадратный сантиметр! При таком давлении лопнет любая доска. Торфяная плита держалась.

Новый материал годился для строительства. Он был дешевле древесины.

В те дни, когда Мария Баранчикова проводила испытания своих плит, ее подруга Сусанна устанавливала на Первоуральском лозуружном заводе «фенольную лозушку».

Фенолы — это вещества, которые служат сырьем для производства пластмассы. Торф газифицируют, из газа, после его охлаждения, выделяется жидкость — подсмольная вода, богатая фенолами и искусной кислотой. Раньше на подсмольную воду не обращали внимания и сливали в реки, не задерживая фенолы. В водоемах фенолы скисались, поедая кислород, нужный для водорослей и рыб. Сусанна Маль решила сконструировать очистительную установку, которая вылавливала бы фенолы и искусную кислоту из подсмольной воды. Установка успешно прошла испытания. Расчеты экономистов показывали, что если торфяные газогенераторы страны снабдить такими «лоуэушками», то они дадут сырья для пластмасски массовее, чем несколько новых лесохимических комбинатов, где, как известно, это сырье получают при переработке доросстой торфяной древесины.

Так открывалась болотная земля свои новые клады.

3

Минувшим летом в Институт торфа приехал агроном из села Мир.

— Мне к директору,— сказал он.

Агроном привел толстую, испещренную кривыми трещинами, — Удивительная история! — говорил он директору,— Собрали

мы на нашем болоте ил, вывезли его на поле. Давая, думаю, удобрение, это давали вместе с удобрением. Осенью, глядя, урожай на поле в полтора раза выше, чем обычно.

Агронома провели в лабораторию сапропелей. Тот показал старшему научному сотруднику Вере Семеновне Позняк твердые, как камень, куски засохшего ила.

У этого ила древняя и очень интересная история,—сказала Вера Семеновна.

Болотный ил, или сапропель, почти неизменно сопутствует торфу. Он образовался из мельчайших водорослей и микроорганизмов живых организмов — планктона,—которые, отмирая, оседали на дно.

Сапропель нередко приписывали качества, им несвойственные. Во время первой мировой войны ученые пробовали получить из сапропелей порох. Были проведены большие работы, но пороха добыть не удалось. Но исследования принесли свои плоды. В 30-х годах из сапропеля изготовили бензин. Известный советский химик профессор Б. К. Климов провел на этом бензине автороботы саксама — Ленинград — Москва. Со временем об опыте забыли, так как производство бензина из ила оказалось слишком дорогим.

Подлинная ценность сапропеля была выявлена только в последние годы. Оказалось, что из этого вещества можно выделить редкий и очень ценный витамин В₁₂, незаменимый при лечении лучевой болезни, лейкоза и злокачественной анемии.

Из сапропеля прессовались великолепные телозолоционные плиты, болотный ил обладал лечебными свойствами. И, наконец, содержащиеся в нем микроорганизмы делали его ценным удобрением.

Лаборатория сапропелей сама находилась в Институте торфа. В Гридухи — Светлана Покварко, младшие научные сотрудники лаборатории, лишь несколько лет назад получили дипломы Минского университета. Они избрали своей специализацией химию сапропелей. В Белоруссии не сыскал такого озера, на котором не побывали бы Рая и Светлана. На утлой плоскодонной-лушгубке, на рыхлых савастах, и, наконец, надувной лодке они исследовали окруженное лесами озеро Турове, поднимались по рекам Диве и Тетче, их лодки пересекли болота Червоного, Белого, Погостного, Лукомльского — словом, всех белорусских озер.

А будущей весной дзюзица снега открывалась в путь, чтобы закончить свой нелегкий, но благородный труд по исследованию белорусских сапропелей.

***

Мы рассказали всего лишь о некоторых работах молодых сотрудников белорусской академии наук. Первые, еще робкие шаги новой науки — торфохимии — позволяют сказать: болота — это неисчерпаемые кладовые химического сырья.

Энергетика торфа уже рекомендовала себя.

Теперь слова за торфохимией.

В. СМЕРНОВ

Л. Витковский, (Киев).

Перед сменой.

Всесоюзная художественная выставка «40 лет ВЛКСМ».

И. РАЗДРОГИН

И. Раздрогин. (Ленинград).
Сельская учительница Н. А. Басалаева.

Всесоюзная
художественная выставка
«40 лет ВЛКСМ».

Г. Малышев. (Одесса).
На Днестре.

Рисунки А. Дурье.

Когда вы совершаете путешествие на восток через острова Архипелага, всюду слышите разговоры о рисе, кофе, табаке. Подходяще дальше, вы узнаете о перце, бензойной смоле, олове и копре. Обо всем этом говорят на разных языках, отличаясь один от другого и своеобразно. Но если вы будете продолжать путешествие еще дальше на восток, то вы наконец придете в порт, где торгуют райскими птицами. Там только и разговоров, что о шкурках этих птиц, браунского и изумрудного цвета, и о крохотной «королевской птице», напоминающей своим оперением горной утку. К этим разговорам путешественники прислушиваются с особым интересом.

Так было и с Эндрью Харбеном, искателем приключений, который считал потерянными тот день, когда заходящее солнце заставляло его на том же месте, где он был вчера. В поисках приключений этот человек с Запада шел по градам широты, пока не дошел до Ароматичных островов. Здесь, в древнем селении Тернате, ему указали лавку одного торговца, пламеневшую тахиам красина, что казилось, будто поймавшие все морские ракушки, отобранные по сортам и развешены для продажи.

— Это шкурки райских птиц — самого робкого и самого редкого из всех живущих на земле существ, — пояснили ему. Их стоимость в среднем такая-то, их качество такое-то, цены на них на рынке неизменно поднимаются, а запасы весьма ограничены. Эндрью Харбен слушал и рассматривал.

— Тогда я попал туда, куда мне и надо было, — сказал он. — Вот здесь я и буду вести деловые сделки.

«Можно иметь дело с ящиками, тюками и фактурами, но поймать первую пошу и получить хорошую прибыль на жемчуге, алмазах — это такое дело, которому не жалко посвятить и труд и время», — подумал он и обратился с вопросом к хозяйню лавки, человеку смешанной расы, отец которого был голландец, а мать — туземка:

— Какая из этих птиц считается наиболее ценной? — «Преносудная», — сказала Ян Ван Боль. — Это очень редкая птица. А также «Алоэ великолепное» и «Энимак». И получаю я вот эти желтых райских птиц не более двух дюжины в год. Вам я продам их по низкой цене.

— Я хочу, чтобы вы не продавали мне, а покупали у меня, — сказал Эндрью Харбен.

— У вас есть птицы для продажи? — удивился Ван Боль.

— Пока нет. Но будет. Я только еще приспосабливаюсь к закону спроса и предложения, что является сущностью экономики. Как вы смотрите на это?

— Горючею смертью взглядом Эндрью Харбена с головы до ног, адолю и поперек.

— Я думаю, вам удастся убить с подожжеными обитателями этих островов, пока они сами не снимут вам голову. Желаю вам успеха! Но я уверен, в конце концов голова ваша послужит прекрасным украшением на плащанице наместе для каноя. Да и солнце печет сегодня страшно... — Благодури вас за откровенность, — сказал Эндрью Харбен.

Но губы у него прорезались дано, а не являлись и пока не сошел с ума. Я имею сто фунтов наличными, у меня крепкое здоровье, и я хочу вложить свой капитал в какое-нибудь стоящее предприятие. А теперь расскажите мне подробнее об этих птицах.

Ян Ван Боль снова смерил Эндрью Харбена взглядом и, быть может, оттого, что увидел в его холодных серых глазах нечто особенное, или потому, что на самом деле был человеком величавым, посмотрел странно поучительно более подробно, что шкурки райских птиц производят соль из самых отдаленных уголков земли, из джунглей Новой Гвинее и с некоторых недоступных островов, расположенных к северу от нее; что шкурки эти переходят из рук в руки, от одного племени к другому, от побережья к побережью, пока не достигнут торговых пунктов, где торговцы уже не выпускают их из рук.

Ян Ван Боль был очень терпелив, и Эндрью Харбен был терпелив. Он согласился выпить предложенный ему стакан вина на задней веранде и, когда все уже было сказано, вернувшись к своему первому вопросу.

Человек смешанной расы некоторое время хранил молчание.

— Я скажу вам удивительную вещь, — промолвил он наконец.

Вы спрашиваете меня, какая из этих птиц встречается реже всего? Раз в год я получаю дюжину шкурки райской птицы, которая не похожа ни на какую другую из райских птиц. Она не имеет названия, потому что никто никогда не видел ее живой. Но

птица эта в полном смысле параственная: пурпур и золото! Темная, как сумерки, и прекрасная, как факсетт. Ах, это поистине райская птица!

— Всего шесть шкурку в год, вы говорите?

— Ни больше, ни меньше. И они стоят громадных денег, но за них согласны платить, сколько бы вы ни предложили: а сорок, в пятьдесят раз больше, чем за обыкновенных райских птиц. Я закуплю все, какие ко мне поступают, но их никогда не бывает более дюжину.

— А где же их находят? — Трудно сказать точно. Райских птиц находят в разных местах: одну доставят из Мисола, другую — из Аруса, или Энтракосто, или с гор Конской подковы. Но про эту царственную птицу я не знаю ничего, и никто не знает, где ее найти. Мой агент в Вьбу присылает мне шкурку. Но он тоже же не знает. И туземцы, у которых он покупает, не знают. И дикие морские цапганы, с которыми туземцы ведут торговые сделки, тоже не знают.

— Этого не может быть, — сказал Эндрью Харбен. — В наше время беспроволочного телеграфа и морских судов легко установить рознь всякой вещи. Мы больше не отправляемся за моря и океаны в поисках фантазов вечной молодости или изумрудных стран, а тем более волшебных стран.

— Да? — удивился Ван Боль. — А между тем вы сами забрались слишком, даже слишком далеко.

— Но я не собираюсь искать волшебные страны или выслушивать волшебные сказки.

— Вот как! А с таким же человеком, который много видел на своем веку и имел возможность убедиться, что волшебная сказка — это аллюзия истины.

Эндрью Харбен, впрочем, люб, глядел на гавань, где весь день сновали дюжины и прао с командами разных национальностей. Они приходили и уходили в неизвестные порты по неизвестным делам так же, как в те времена, когда Рамез держал в своих руках самый крайний форпост на Западе, и как будут уходить и приходить, когда все человечество поднимется на самую высокую ступень культуры.

— Ну, а что же говорят о стране, где обитает эта птица? Существует какая-нибудь легенда?

— Никакой легенды нет. И почему она должна быть? Вы проезжали по странам и горам, где к каждому человеку прилежен ярлык и где соседи могут позвать по имени, если им неизвестно точное название заняти. Здесь же острова. Тысячи их. Они укрываются среди рифов и морских течений так, что вы не отыщите их на карте. И люди здесь — сотни тысяч их! Но о делах, обычаях и тайнах их вы не прочтете ни в одном докладе. Где-то, где-то есть остров, на котором живет пурпурная райская птица. И это все, что можно сказать.

— Покажите мне такую птицу, — сказал Эндрью Харбен.

Ян Ван Боль принес шкатулку из сандалового дерева, бережно

открыл и поставил перед посетителем. Эдлярю Харбен взглянула, и перед его глазами яркое оперение испещрило дламенным фелер-верком красок. Птица величавой примерно с воробья сидела на ветке. Ее грудка была покрыта крохотными золотыми полосками, местами прилепавшими бронзовым оттенком; от полосок отходили длинные пучки перьев надолбаче лент, темно-пурпурные у основания и постепенно принимающие цвет сверкающего золота.

Эдлярю Харбен сощурил глаза, словно от солнца, и закрыл шкатушку.

— Я отыщу этот остров, — быстро заговорил он, — и доставлю вам полную лодку подобных шкур!

Или Ван был расцелован и взял шкатушку.

— Нет, нет! Это только волшебная шкура! Мне хотелось по-

забыть вас: так мало путешественников заглядывает к нам. Кроме того — вы знаете? Эта редкая птица — самое редкое и самое дорогое существо на земле. — Благодаря вам, — сказал Эдлярю Харбен. — Я слышал это и раньше. А теперь поговорим о том, как нам добраться до Вэйту. Где и могу купить небольшой морской котел, креветки, но дешевый?

— Месяца три спустя, продвигаясь все дальше на восток, Эдлярю Харбен сделал еще одну остановку. У него не было другого выхода: он не мог точно определить своего местонахождения по карте — а прелехал той площади, которую может занять приложившись к карте большой палец. Он, несомненно, находился по другую сторону Молуккских островов, вероятно, вблизи пролива Джайло и, возможно, к северу от Дампьера. Для дальнейшей ориентировки он мог обратиться только к течениям и ветрам, которые кружили и вертели его маленькое судно, как волчок, — течения, быстрое, как каскал, и ветры, порывистые, как женский характер.

Он видел разные берега, встречал различные туземные племена и только по случайности избегал кораблекрушения и туземных в него стрел. Но на этот раз страшный storm асю ночь гнал его сквозь историчный лабиринт узких базальтовых островков; рунские волны, одна за другой показывали ему длинные черные зубы, пока его судно наконец не врезалось в берег.

Утром он высиделся на клочок неровного изморю, усыянного базальтовыми валунами; высиделся и тут же свалился от усталости после бессонной ночи. Когда проснулся, солнце уже нестерпимо лаяло голубе и грубый, бычий голод гудел в ушах.

Человек стоял рядом, возвышаясь над ним, — здоровенный бородатый дитина с одним лишь набедренным покрывалом на теле, которое от сильного загара привидело цвет старой нежной трубки. Глаза человека походила на голубые фарфоровые пуговицы, а рыжие, цвета ржавчины волосы свисали косматыми прядями вокруг головы.

— Вставай! — рявкнул он на Эдлярю Харбена и тотчас добавил: — Какой черт зает тебя сюда?

Эдлярю Харбен взглянул на него, как на привидение, но это привидение было толщею его вбок голой ногой, твердой, как камень.

— Ответь, а не то я поможу тебе ребра!

Эдлярю Харбен был истощен голодом, его трепала лихорадка, и в нем еле тлела жизнь.

— Что и могу тебе ответить? — с трудом выговорил он.

— Вижу, что слаб, — сказала привидение, оттопырив губы. — Но ты похож на пирата! А где же другие? Я не видел на рифе остатков кораблекрушения.

— Со мной не было никого. Я высиделся один.

— Ты высиделся один? Значит, у тебя была какая-то цель? Отвечай и не ахулай врать!

Эдлярю Харбен не знал, как отступить к этому белому дикарю. Он сказал, что предпринял это плавание с намерением повести здесь торговлю.

— Хотел торговать? — подозрительно и злобно глядя на Харбена, спросил белый дикарь. — Я понимаю, какой торговлей ты думал здесь заняться? Ты из тех, что рыщут в поисках сокровищ, а? Стоит только человеку отыскать себя по дуге экваториальн угодок, где он собрался пожить со своей подружкой, как сразу его начинают осажать бродяги со всех четырех океанов. Нет толку, если даже поселиться на острове! Я, знаешь, давно уже поджидаю кого-нибудь из вашего отряда!

— У тебя все преимущества передо мной, — почитливо сказал Эдлярю Харбен.

Да. — Князид дитина мрачно и презрительно. — Тебе нужно было вникнуть сюда со своими друзьями и прихватить с собой пару пулеметов. Не мое же ты воображать, что тебе одному удастся захватить этот остров! Знаем мы так!

— Если бы я знал, то может быть, лучше подготовился бы. Умалел в свое время. Ставило тебя в известность, что я прежде всего должен был свернуть тебе шею. Так приказал тебе, но главный судья выступил с защитой, и суд решил оставить тебя в живых, чтобы я мог немного потешиться над тобой.

Он оскалял зубы в мерзкой ухмылке.

— А какой народ здесь живет? — спросил Эдлярю Харбен, пытаясь узнать, к какому неизвестному племени он попал.

— Я! — ответил дитина. — О'Район.

— Орнон! — повторил Эдлярю Харбен и подумал, не сходит ли

он с ума; в его мозгу пронесся отрывок, читанный в школьные годы:

«При свете звезд пред нами предстал Творец дитина Агир-Ор-Орнон, ловец зверей...»

— Какое-нибудь родство с Плеядами?

— Джим О'Райн, последний второй помощник капитана акуны «Веселый друг», погоревший кораблекрушением у этого острова 19 декабря, три года назад, — сказал дитина просто. — И никакого родства у меня на всей земле. Восток, восток, восток! Ни на востоке, ни на западе, — так что можешь не выжидать претупления, если ты что-нибудь за мной подозреваешь. Это мой остров по праву. Ты здесь не кто иной, как голый нарушитель границ, и ты не ахулай гробить мне, если хочешь еще жить и дышать.

С этими словами он схватил Эдлярю Харбена одной рукой и встал под машину. Это стало было шкуркой Эдлярю Харбен за время путешествия потерял а себе пятьдесят фунтов, от него остались лишь кожа да кости.

Он поднялся на холм, возвышавшийся на берегу, и вступил на расчищенную площадку, где стояла хижина, аккуратно построенная из бамбука. Перед широкой верандой сидел девушка с длинными черными косами, окаймлявшими ее смуглое лицо, одетая в блестящий пурпурный наряд, спускавшийся с плеч на грудь и ниже талии. Она удивленно глядела на Эдлярю Харбена, а он на нее с чувством необычайного изумления и интереса, ибо пурпурный наряд девушки, искусно сшитый и слаженный, состоял весь из птичьих шкур — тех самых шкур, которыми торговали птицы в поисках которой он и забрался сюда.

Гладкие линии перьев свисали вниз широкою; каждая шкурка словно широким золотым пластырем облепала окантовку белого платья... Примерно триста шкур пошло на этот наряд, и ничто в мире: ни горнистоцветная магия, ни королевские коронационные одежды — не могло сравниться по красоте с нарядом, который Эдлярю Харбен увидел на плечах этой дикарки на неведомом острове где-то вблизи пролива Джайло-ло.

На плечах дикарки — так сперва подумал Эдлярю Харбен, ибо туземная женщина есть туземная женщина, а ее наряд — это целое богатство, до когда она встала и взглянула ему в глаза, он увидел, что красноречивый наряд прикрывал не менее красивое тело, а может быть, и более...

Девушка была смуглая, малаяйской тины, с чуть заметной розовой окраской щекам, маленький рот был очерчен, как цветок. В черных, как агат, глазах под густыми дугообразными бровями тлеяли тайные огни желания. Глаза то вставали, словно диаманты, то вставали, словно пламени, а вся ее тонкая, гибкая фигура трепетала, как птица. Когда она заговорила, что-то, казалось, проникло внутрь Эдлярю Харбена, коснулось струей его души и заставило его слушать. Ему было все равно, о чем она говорила, — хотя это тоже было довольно любопытно, — лишь бы продолжал звучать ее мягкий голос, пред-

были прикованы к Эндрью Харбю.

— Ах ты, проклятая злючка! — взревел О'Райн, дакручивая ее косы на руку. — Что тебе застаивало сделать это?

— Я хочу, чтобы он жил с нами! — прошептала она страстно. — Не забывай его в землю, как ты сделал это с другими. Он новый белый человек. Я хочу, чтобы ты оставил его мне.

— Ах, ты так хочешь?... Ну, что ж, ты, видно, что-то замыслила! Я и совсем не думал, что такой подарок тебе понравится. Посмотри, посмотри...

Он крутил ее за косы и пристально посмотрел в ее глаза. В этот момент Эндрью Харбен счел долгом защитить свою спасительницу, восставшую против этого деспота. Напрягая все силы, он схватил полено, лежащее у очага, и кинулся, чтобы размозжить голову великану, но тот мгновенно повернулся, отбросил свою жертву и ударил кулаком, который по размеру и цвету являлся огромной копытной окорок, сшиб с ног Эндрью Харбена.

— Ну-ка, попробуй еще! — злобно заревел он. — Мне это по нраву. Попробуй еще! Делай раз за три года пришлось мне так садануть, если не считаешь неров... Ну, как, будешь драться или нет?

— Не могу, — задыхаясь, сказал Эндрью Харбен и услышал голос девушки.

— Не губи его! — присела она. — Не отнимай его у меня! Я очень расстроюсь на тебя...

— Не губи его! — присела она. — Не отнимай его у меня! Я очень расстроюсь на тебя...

— Не губи его! — присела она. — Не отнимай его у меня! Я очень расстроюсь на тебя...

— Не губи его! — присела она. — Не отнимай его у меня! Я очень расстроюсь на тебя...

— Не губи его! — присела она. — Не отнимай его у меня! Я очень расстроюсь на тебя...

— Не губи его! — присела она. — Не отнимай его у меня! Я очень расстроюсь на тебя...

— Не губи его! — присела она. — Не отнимай его у меня! Я очень расстроюсь на тебя...

— Не губи его! — присела она. — Не отнимай его у меня! Я очень расстроюсь на тебя...

— Не губи его! — присела она. — Не отнимай его у меня! Я очень расстроюсь на тебя...

— Не губи его! — присела она. — Не отнимай его у меня! Я очень расстроюсь на тебя...

— Не губи его! — присела она. — Не отнимай его у меня! Я очень расстроюсь на тебя...

— Не губи его! — присела она. — Не отнимай его у меня! Я очень расстроюсь на тебя...

— Не губи его! — присела она. — Не отнимай его у меня! Я очень расстроюсь на тебя...

— Не губи его! — присела она. — Не отнимай его у меня! Я очень расстроюсь на тебя...

— Не губи его! — присела она. — Не отнимай его у меня! Я очень расстроюсь на тебя...

— Не губи его! — присела она. — Не отнимай его у меня! Я очень расстроюсь на тебя...

— Не губи его! — присела она. — Не отнимай его у меня! Я очень расстроюсь на тебя...

— Не губи его! — присела она. — Не отнимай его у меня! Я очень расстроюсь на тебя...

— Не губи его! — присела она. — Не отнимай его у меня! Я очень расстроюсь на тебя...

— Не губи его! — присела она. — Не отнимай его у меня! Я очень расстроюсь на тебя...

— Не губи его! — присела она. — Не отнимай его у меня! Я очень расстроюсь на тебя...

— Не губи его! — присела она. — Не отнимай его у меня! Я очень расстроюсь на тебя...

— Не губи его! — присела она. — Не отнимай его у меня! Я очень расстроюсь на тебя...

— Не губи его! — присела она. — Не отнимай его у меня! Я очень расстроюсь на тебя...

— Не губи его! — присела она. — Не отнимай его у меня! Я очень расстроюсь на тебя...

— Не губи его! — присела она. — Не отнимай его у меня! Я очень расстроюсь на тебя...

— Не губи его! — присела она. — Не отнимай его у меня! Я очень расстроюсь на тебя...

— Не губи его! — присела она. — Не отнимай его у меня! Я очень расстроюсь на тебя...

— Не губи его! — присела она. — Не отнимай его у меня! Я очень расстроюсь на тебя...

— Не губи его! — присела она. — Не отнимай его у меня! Я очень расстроюсь на тебя...

— Не губи его! — присела она. — Не отнимай его у меня! Я очень расстроюсь на тебя...

дурупных птиц. Сожалел, глубоко сожалею, что мне пришлось продать несколько шкурок и этим привлечь сюда алчных дьяволов вроде тебя, которые шаркают арду и вынокают, где этот остров, что же жадность? Мне нужны были ножи, лопаты, табак, а приобрести их было не на что... Это появление здесь возбудило интерес в местной «политии» — это отглаголилось. Моя ошибка заключалась в том, что я сразу не свернул тебе шею, как и собирался сделать, и очень сожалею об этом, потому что как только Нюлма увидела твою лысую морду, было уже поздно. Да, это была моя ошибка. Я забыл, что девочка не видела другого мужчины, кроме меня, уже несколько лет, и вполне логично, что она сразу заинтересовалась тобой, как новой иршуркой, не думая больше ни о чем. Если бы другая была на ее месте, она могла бы сказать: «Джим, дорогой, я по тебе заболела из-за твоего соблаку-пуделя!» Так вот, я не знаю, как бы в твоей жизни были семейные дела, — добавил он серьезно, — но считаю, что женщины редко отступают в сексапых до известного предела, иначе в доме будет и шитор и дурная погода. Поэтому и еще подало, что я сам люблю мир, я позволяю тебе жить, и Нюлма покачит своего пуделя. Я думаю, ты будешь благодарен.

Эндрью Харбен был занят совсем иными мыслями и не сказал ничего.

— Но, — продолжал О'Райн, похвывая трубку, — но на многие ты здесь не раскопывай. Ты, вероятно, очень высокого мнения о себе, думая, что ты идешь с нами на равной ноге. Нет, это тебе не удастся. Я не могу допустить этого из-за Нюлмы. У же рассказываю ей, что привело тебе сюда, как мне у тебя первично замаяла, но она, невнятное существо, не верит мне. Она считает тебя чем-то особенным. Со временем она поймет, когда я покажу ей, что ты собой представляешь, и тогда поставлю тебя на твое надлежащее место... И еще скажу тебе одну вещь: на этом острове нет оружия, и если ты вздумаше убить меня, то тебе придется поправить это голыми руками. Ты, конечно, попробуешь, и я опять расквашу тебе нос. Это будет плохой спорт, но тебе, быть может, он послужит каким-то утешением.

А что еще придется мне делать? — спросил Эндрью Харбен.

— Все, что я тебе прикажу! — ухмыльнулся О'Райн. — Тут найдется много работы. Будешь колать каваны и тому подобное — это как раз хорошие занятия для такого благородного авантюриста, как ты!

Эндрью Харбен, захватив возмущения, вскричал на него.

— Ты думаешь превратить меня в раба?

— Да, это как раз то, что я решил! — взревел О'Райн, принимая вдруг свирепый вид. Он поднял кулак и так ударил Эндрью Харбена, что тот отлетел в сторону на несколько шагов. — Ты будешь рабом, пока не сумеешь доказать, что моя сила сильнее твоей. Понятно?

Эндрью Харбен стал рабом бедного великан-зверя и миссис одетой в иршур, смуглой иршурки-чародейки, с глазами, темными, как сумерки, и прекрасными, как рассвет.

У черной вулканической скалы, падающей отвесно, образовался глубокий овраг, края которого сплошь увисали виноградные лозы, колочные растения и ароник с его яркими красными плодами. В этот овраг О'Райн и бросил Эндрью Харбена, как медведя в яму; соорудил ему здесь небольшую будку, дал деревянную лопату и ведро и приказал расчистить небольшую, пробивающуюся из-под скалы ключ.

Эндрью Харбен работал, проливая пот, как котировик. В поодень прихотила Нюлма, присидела ему и откусала ее анна, в коринис, затем садилась на краю пропасти и затевала разговор. Он стоял на скользкой глине и глядел вверх на нее, недоступную. Так придура О'Райн, чтобы удовлетворить ее фантазию обаявства новой иршуркой.

Разговаривая с Эндрью Харбеном, она рассказывала ему простую историю своей жизни. Ее родители работали слугами у английского миссионера на острове Джайлодо. Во время переезда миссионера с семьей в Салавати на торговую шхуну «Бесслый друг» налетел западный муссон, и судно потерпело крушение. Джим О'Райн вынес ее на руках сквозь бушующие волны на берег, и на него экипажа и пассажиров судна толь-

ставлявший несказанное очарование.

Значит, ты не всех их закопал — воскликнула она, глядя на Эндрью Харбена, еле державшегося на ногах рядом с великаном.

О'Райн расмеялся лютым смехом.

— Да вот один, кто закопал всех до головы, — продолжила она, прижав к груди свою маленькую ручку.

— А почему ты думаешь, что я не мог откопать этого парнишку? — спросил О'Райн, забавляясь ее волнением. — А что же это может быть, по-твоему? Капитан? Но он не мог стать таким чудовищно худым. Или кок, а? Но погоди, какой он высокочин!

О'Райн усидил Эндрью Харбена на мат, и девушка шаг за шагом стала подниматься к нему, пока не подошла вплотную и не коснулась слегка пальцем его щеки.

— Он живой! Это мужчина! Она отпихивала назад, словно ужаленная, и О'Райн расхохотался, обнажив большие желтые зубы.

— Да, вот все, что от него осталось. Один скелет. Позабейте о еде, Нюлма. И покажите!

Но девушка, казалось, не могла двинуться с места: стало велико было ее удивление. Тогда О'Райн схватил ее за руку, хотел отшвырнуть в сторону, но она, вскрикнув, быстро припала к его руке. О'Райн взревел диким голосом и бросил ее на землю.

Что такое? Что случилось с тобой? — спросил он, густо глядя на нее, сощипывая ее на руке. Укус, видно, не так заболел его, как удивил.

Девушка не испугалась грозного окрика, даже не взглянула на О'Райна, ее глаза по-прежнему

ко они двое остались в живых. Острые овалы неба выхватывали, но на нем в изобилии прострастились разломы и галереи и саговая пальма. Это было для них животно. Они построили жилище, завести очаг и с тех пор жили здесь идиллической, primitivной жизнью. В течение трех лет она не видела никого, кроме волосатых бахаусов да морских члвков, которые навезли сюда раз в год за лтиными шкурами. Но даже и эти члвководолзали не осмеливаясь ступить ногой на остров, раз навсего получив урок от рух О'Райна — всемогущего Бсара, которого они страшно боялись, считая его дьяволом, повелителем моря.

— И у тебя никогда не являлось желания бежать отсюда, уйти в большой мир? — спросил Эдью Харбен.

Нет, — сказала она в запинке. — Бсар все рассказывал мне об этом мире, много раз рассказывал он мне.

— Ты будешь любопытна узнать, какие картины жизни и бытчан людских рисовал своей палудре этот грубый странник далеких портов и морей.

— Все, что есть в том мире, — это огромная, чист, суета. Там людям не хватает пищи, не хватает воздуха, чтобы дышать, и потому они всегда воруют, лгут и дерутся, стараясь отнять что-нибудь друг у друга. Ни чести, ни совести у них нет, и если бы они узнали, что мы здесь, то отняли бы и у нас все... Нет, я не хочу жить в таком мире! И Бсар говорит, что он тебя никогда не увидит.

Значит, он сделал тебе своей работой?

— Он мой хозяин.

Слово «хозяин» она произнесла медленно, неуверенно. Хотя Эдью Харбен знал женщин разных классов и положений, но такой женщины ему еще не приходилось встречать. Она отличалась невероятной прототой. Неудовольствие подметать, что его появление здесь произошло не в нем потрассяющее впечатление: она никак не могла взглянуть на него. Но он встретился с неожиданными трудностями: она, казалось, не имела ни малейшего представления о любви.

— А ты любишь его?

— А что это такое? — спросила она, нахмурив лоб. — Иногда я чешу ему бороду. Я хотела бы почесать и твою. У тебя такая красивая рыжая борода, вся в колках. Когда ты спишь, я чешала ее. Такая мягкая и курчавая, Дарри!

Она неожиданно обрадовалась, придумав для него имя Дарри; то имя, которым он называла себя, она не могла забыть.

— Дарри — вот как я буду тебя называть! Разве не красиво? На моем родном языке это означает белый. У тебя такая белая кожа, совсем не так, что у Бсара, Дарри.

Она протянула вниз свои маленькие ручки, но он только приложил свои безпомощности.

— Ну так скажи, что ты ненавидишь его. Он тебе больше жестоко обращается с тобой?

— Иногда, — кивнула она, сморщив свои маленькие губки. — Когда я дурно вежу себя.

Значит, ты должна ненавидеть его?

— Слова! Ты говоришь такие чудные слова, Дарри! Любить, ненавидеть... Я не знаю, что это такое. Я знаю только, что я Ньгома, а он Бсар.

— Он должен был научить тебя. Ты говорила, что он научил тебя всему.

— Да, я знаю, но не понимаю. Почему надо говорить так много трудных слов?

— Бсар бы и мог vybrать отсюда когда-нибудь с твоей помощью, и показал бы тебе...

— Она в страхе отпирнула.

— О нет, Дарри! Он похвастал тебе, как ты сама дралась с ним.

— Да, да! — из-за тебя! — вскричала она, и отпек встлхнула в ее глазах. — Я так хотела, чтобы ты остался здесь, и боюсь, что ты уходишь вместе с теми мертвыми морскими! Я думала, ты один из тех матросов, что лежат в земле... Это стройная пурпурная фигура удру скрмлась в зелени, но спустя минуту раздался тихий смех, и снова показалось ее лицо.

— Но ты другой. Ты живой! Я так рада...

— Лучше бы он меня закопал в землю, чем бросил в эту яму! — сказал он с горечью.

Ньгома сначала не прислушалась к его намекам о победе и казалась, что она недовольна тем, что спасла его и теперь могла болтать и смеяться с ним. Он встретил в ней удивительную невинность, столь отличную от легкой женственности, которую он думал бы найти. Она не имела представления, что такое обладание, обмен, запретное желание...

— Послушай, Ньгома! Ты знаешь, зачем я пришел сюда? Я пришел за тобой, чтобы отыскать тебя здесь, в джунглях, и увезти с собой туда, где на тебя будут смотреть люди и любя тебя. Мужчины не будут сводить с тебя глаза, женщины будут завидовать твоей красоте! Да еще есть такая красавица, как ты, Ньгома!

Эти слова встретила девушка.

— И это правда, Дарри?

— А разве О'Райн не говорил тебе, что я приехал сюда за райской птицей?

Она кивнула.

— Ты это птица!

— Расскажи мне о большом мире, — вздохнула она, и Эдью Харбен стал рассказывать ей обо всем, как сам хотел, а она слушала, устремив на него взгляд.

Он мог позавидать себе с успехом не только в том, что касалось Ньгомы. Дела его постепенно подвигались вперед и в другом отношении. Воздух на острове был здоровый, пища хорошая, и он чувствовал, что с каждым днем силы его крепнут. Он начал упражняться в искусстве, в котором когда-то овладевал исключительными способностями: особые приемы борьбы и кулачного боя, имеющие гораздо большее значение, чем вес или мускулы. Рядом с его будкой росла урутка лиана толщиной с канат, и на ней он пробовал свою силу и ловкость, свисая ее и ударяя по ней. Он усвоил один особенный прием, составивший его тайну: удар, который никогда не выполнялся с помощью кулаком, а только ребром ладони, которое поперек стало твердым, как дерево.

Самым большим испытанием для него оставался члвк конту, который он назвал О'Райна, который появился перед ним в любви

часы, спускаясь в овраг, как обезьяна, по веревке с узами.

— Ну, морской разбойник, — обычно приветствовал он Эдью Харбена, — как тебе сегодня улюбулось счастье? Раздобыл ты золото или драгоценные камни из-под этой скалы? Черт тебе поberi, ты не стоишь той еды, что на тебя трагит! Называешь себя искателем сокровищ, а догута держишь как неживой! Поглубже войди же в землю, ты, додырь!

Для О'Райна уже стало привычкой до маленького поводу или без асотого повода приставать к нему улар в подборлок Харбена. Это, казалось, доставляло ему неизъемное удовольствие.

— Ну что, будешь драться? — предлагал он.

Но Эдью Харбен, подавая к себе бениство, спокойно делал на глине, ничего не говоря и выжидая только момента.

Однажды он попал поразительное состояние: Ньгома — ему стоило читать, чтобы скрывать свое одиночество. Он, видимо, пользовался единственной книжкой, — вухтенным журналом со шхуны «Веселый дру». В этом не было никакого сомнения: Ньгома читала по памяти целые страницы из истории плавания их экспедиционной шхуны.

Когда Эдью Харбен узнал об этом, он поистине испытал такое чувство, какое доведется испытать сатира, когда она, забыв свое познание зла в раю, ибо он сообщил, что вухтенный журнал даст ему возможность более или менее точно распознать широту и долготу своего местоположения и так тайне О'Райна.

И ему наконец удалось убедить эту невинную Бау.

Ты только спусти веревку, когда все увидишь, и оставь ее так! — умолял он ее. — Скажи мне такую небольшую услугу! Я встречу с тобой при свете звезд, Ньгома. Ты прихватишь с собой и я иду тебе таким чудесным путем, как тебе не мог показать твой хозяин!

Она долго колебалась, затем поддалась, и Эдью Харбен улыбаясь, приложил некоторые из тех вещей, что знал когда-то. Он решил испытать свою силу на лиане, росшей подле его будки, и сразу разорвал ее. Поушествовав себе силой человека, он бросился к ожидавшей его веревке и выбрался из ямы, готовый вступить в схватку.

Ступаясь сумерки, когда Харбен прыблался на край острова. Он шел по берегу, направляясь к вухтенному алауаму взморью, как вдруг на повороте натолкнулся на Ньгому. Она сидела, подперев голову рукой, и глядела на море, пылающее закатом, и вихляла пальцами на том, на котором она сидела, и коснулась ее плечом.

— О-о, ты ушел отсюда! — прошептала Ньгома. — Тебя уберет! — Возможно, — сказал Эдью Харбен. — Но я согласен на все.

Я поступаю дурно, что поступаю так, тебе, я так же, как и ты. Я некороткая девушка! Бсару это не понравится! Зачем ты заставляла меня сделать это?

Когда он прилеж Ньгому к себе, по ее щекам катились слезы. Она лежала у него в карте ямы, и зряжная не сопротивляющаяся, и сквозь ее пернатый паряд, такой

теплой и галкий, как бархат, он чувствовал, как колотится ее сердце.

— Моя маленькая дикая птичка.

Он ублаживал ее, напешная asking слова, которые для него были лишь обычной размерной монетой, а ей представлялись чем-то значительным, новым и чудесным.

Она стала робко ласкать его, слегка касаясь пальцами.

— Лодка ждет тебя там... у лагуны. Все готово. Ты оный вернешься в свой мир, Дарри... Поспеш, пока не узнал хозяин.

— Сейчас, — сказал Эдью Харбен. — Мы вместе с тобой отправимся в путь, Ньгома.

Она покачала головой.

— Я не могу. Что я буду делать там, в большом мире, где так много людей? Здесь мой родина... Здесь у меня есть Бсар!

— А там я буду у тебя, Ньгома. Она рассмотрела на него затуманенным взглядом.

— Да, я хотела бы, чтобы ты всегда был со мной. Совсем другой человек, не такой. — Она вздохнула. — Я хотела бы поспешить, не то он настигнет тебя!

— Сейчас, сейчас! — улыбаясь Эдью Харбен. — Ты принесла ту книгу, вухтенный журнал «Веселого дру».

Она пошарила у себя на груди и вытаскала небольшую, истертую, с пятнами соленой морской воды книжку.

— Там же тебе уже нет времени научить меня тому чудесному, о чем ты мне говорила, — сказала она, глядя, как он бережно засунул книжку за пояс. — Зачем тебе эта книжка?

Эдью Харбен взглянула на нее торжествующе.

— Затем, что теперь я всегда смогу отыскать этот рай! Мы его обречем как следует, Ньгома, и тогда мы будем проводить время, ты и я!

Он крепко сжал ее в объятиях и поцеловал — грубая печать собственности и победы. Когда он отпустил ее, внезапно подал издался сердитый, зычный голос.

— Ступай к лодке и жди меня там! — коротко отдал распоряжение Эдью Харбен, повернувшись и пошел на галос.

Двое мужчин встретились при свете костра на открытой площадке.

— Ты? — рявкнул О'Райн, изумленный до крайности.

— Я пришел, чтобы сразиться с тобой, — сказал Эдью Харбен.

— Хочешь покончить сам собой?

— Хочу разрешить с тобой спор. Это верно, О'Райн, что я явился сюда, чтобы отыскать твое сокровище. Теперь оно мое, и я не намерен делить его с кем бы то ни было.

Кроветь служила им обширная тропическая ночь, рингом — взморье, и когда они наконец сошлись, только прибой на рифе рождалась им: ни одна живая душа не видела борьбы между Джемом О'Райном и Эдью Харбеном, разгрямавшие из-за пурпурной райской птицы на том не отключившись от берега острове в проливе Джайлоу.

Борьба была быстрая и жаркая, как циклон. Эдью Харбен не отступал в сторону, когда на него ринулся противник. Когда он укладывался у лодки кулаком, и ринула у О'Райна под ружьями, и они сцепились. Крепко сжимая друг

друга, они клубком свалились на-земь. И тут Эндрю Харбен от-крылся возможность применить те приемы, которым он с таким усердием обучался на лиане в о-ваге.

Он пукал в зод только ребро ладони, которым ударил, как ши-гой, целясь под мышку, а сухожи-лие понизе уха и в нервы у пред-плечья. О'Райн не знал, как укло-ниться от этих разных ударов, которые Харбен наносил с быстрой разрывистой змеи. О'Райн извивался, как в агонии, вертелся так и свя, пытаясь высвободить зажатую, как в тисках, кисть пра-вой руки. Он нагибался, отклонял-ся назад, пока под тяжестью его же тела не хрустнула кисть.

Противники упали и снова под-нялись на ноги. Правая рука О'Райна безжизненно повисла, но он снова бросился на Харбена с остервенением, нарушая рычани-ем ночную тишину.

Эндрю Харбен припал на одно колено, чтобы встретить врага, и схватил его за сломяную руку. От страшной боли О'Райн опи-сал полукруг, равнялся было на-перед, но тут же грохнулся всею своим громадным корпусом на землю, выткнулся и лежал совер-шенно неподвижно.

Почти в ту же минуту появи-лась Нгома. Казалось, ночной мрак раздвинулся, словно порте-ры, чтобы пропустить ее, и вот она была здесь — тонкий свечящийся столб пурпура. Тяжело дыша, с налитыми кровью глазами, Эн-дрю Харбен бросился с распро-стертыми объятиями ей навстречу, чтобы приветствовать ее, свою на-граду.

Эндрю одержал победу, Нгома! Я победил!

Но прежде чем он успел кону-ться Нгомой, в ее руке сверк-нул нож. Только инстинктивный жест помог ему оттолкнуть смерть от своего тела, но блеск стали не был так страшен, как взрыв ее горя. Она метнулась мимо Эн-дрю Харбена и повалилась на вы-тнувшееся во всю длину тело Джима О'Райна.

— Ты убил его! Убил хозяина! Ах, убей меня! Убей и меня!

Она обняла своего хозяина, бор-моча какие-то несвязные слова нежности и любви, глядя на его большую голову, выражая свою преданность и печаль.

— Что такое? Что случилось с тобой? — бормотал Эндрю Хар-бен, бессознательно повторяя сло-ва Джима О'Райна.

Лицо Нгомы искалдил гнев.

— Он мой муж! — кричала она. — Мне он муж! Кто ты такой, что посмел убить моего мужа?! Только потому, что я показала се-бя немножко дурной и глупой, ты вообразил, что я променяю его на тебя? Уходи... уходи от-сюда!

Никогда она не казалась столь желанной, эта женщина, которой Эндрю Харбен собирался исто-ковать значение любви и ненави-сти. Гнев испарился в нем с новой силой: он рисковал жизнью, пус-каясь в далекое плавание, боролся и дрался, лишь бы завоевать пра-во на эту девушку, да и право на тот пурпурный наряд, который прикрывал ее прекрасное тело! Наряд этот достоин королевы, а служит лишь покровом для тузем-ной девушки... Он бросился к ней, протянув руку, чтобы сорвать пер-чатки покрывало...

Она поняла его намерение и не отстранилась. Она уже знала, что О'Райн не убит и не умрет, и

взглянула на победителя со спо-койным презрением.

— Так вот что тебе надо бо-до! — сказала она медленно и яз-вительно. — Недаром Беар говорил мне, что ты вор! Ты забрался сюда за этими шукурками, а все ос-тальное было ложью. Так бери же их, граби! Вот я перед тобой, беспомощная. Бери, что тебе надо, и возвращайся туда, откуда ты пришел, и расскажи всем, что ты победил райскую птицу, ты, злой, злобый белый человек!

Она стояла совсем близко к не-му, так, что даже касалась его ру-ками, и предлагала себя в жертву с полным спокойствием и бесстра-шием, потрясен его своим гневом.

И Эндрю Харбен отступил, по-беденный. Он, знавший много женщин разных классов и положе-ний, испытал чувство стыда и бес-силния перед этой дикой девушкой, чьи чувства были столь несложны, чьи мысли и действия были столь просты, хотя и непостижимы...

Примерно месяц спустя Эндрю Харбен добрался до порта Терна-та на Ароматичных островах и здесь снова встретил Яна Ван Болъ, сердчно приветствовавше-го его.

— Опять вы здесь! — вскричал человек смешанной расы. — Увес-ли-таки целой голою! Ну, узнали что-нибудь о той райской птице?

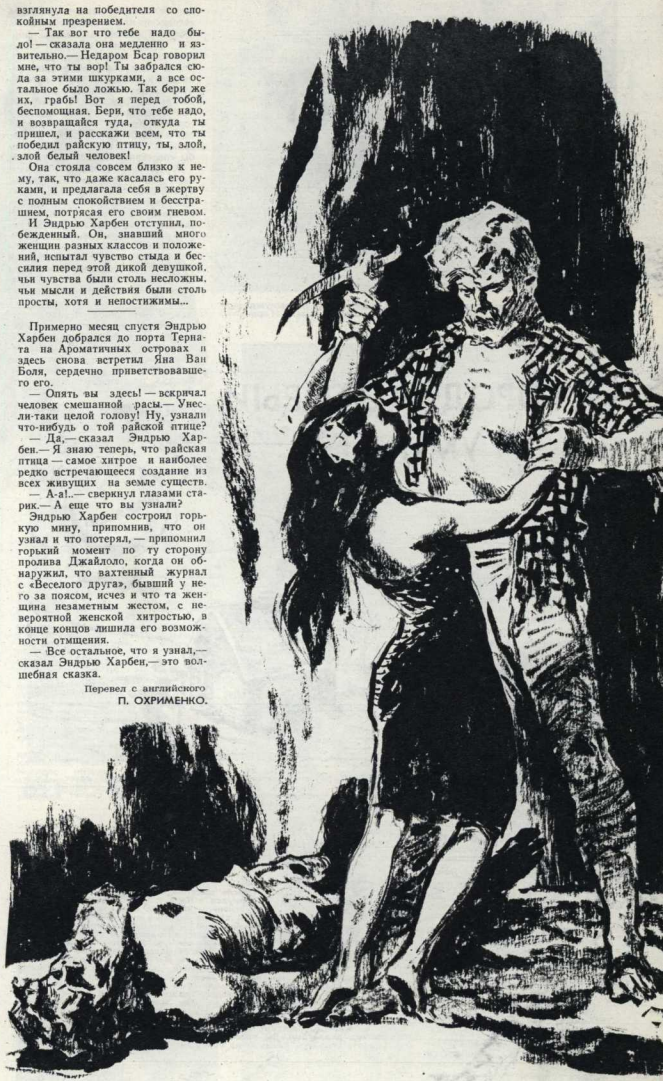
— Да, — сказала Эндрю Хар-бен. — Я знаю теперь, что райская птица — самое хитрое и наиболее редко встречающееся создание из всех живущих на земле существ.

— А-а! — сверкнул глазами стар-ик. — А еще что вы узнали?

Эндрю Харбен состроил горь-кую мину, припомнив, что он узнал и что потерял, — припомнил гордый момент по ту сторону пролива Джайлоо, когда он обнаружил, что вахтенный журнал с «Веселого друга», бывший у не-го за поясом, исчез и что та же-ница незаметным жестом, с не-вероятной женской хитростью, в конце концов лишила его возмож-ности отщипья.

— Все остальное, что я узнал, — сказала Эндрю Харбен, — это волшебная сказка.

Перевел с английского
П. ОХРИМЕНКО.

Безработца — бин Винзора. Толпы людей, обреченных на вынужденное безделье, требуют работы и хлеба (снимок из наднадной газеты «Гардиан».)

Джон ВИР

ГОРОД, КОТОРЫЙ УМИРАЕТ

Странно видеть, как умирает город.

Вам это особенно понятно, мои советские друзья, ибо много из нас довелось пережить гибель родных городов и деревень, разрушенных гитлеровскими бомбами, обреченных фашистами в гуща шибя и пелла. Но не менее странное зрелище представляет город, умирающий в мирное время, умирающий буквально на глазах у его обитателей. Зловещая тень смерти явствует над фабриками, заводами, жилищами людей. С каждым днем тускнеет огонь жизни...

Мне часто приходится видеть такие города-призраки, случаясь бродить по безлюдным улицам какого-то шумных шахтерских поселков в провинции Альберта. Тагостно было слышать, как заывает ветер, проникая через разбитые окна в опустевшие горняцкие дома. Власть туманные решения, что «с политической точки зрения» выгоднее импортировать уголь из Соединенных Штатов, чем добывать свой собственный. И вот результат: замирает транспортные в шахтах, разыхались люди, словно спавает от чумы...

Я хочу рассказать вам о Виндзоре — городе, который тоже умирает. Я знаю и люблю этот город. На заре истории Канады здесь охотились, ловили рыбу и выращивали манс крокемы. Где-то в окрестностях Виндзора, как гласит предание, похоронен дядя Том — герой бесстрастного производства Бичер Стру, а на окраинах города до сих пор кутятся потки белых негров, не вынесенных тяжести рабского ярма. В этих местах на берегу Детройта некогда пролила свою кровь наша славные патриоты, мужественно отбивая атаки зарвавшихся янки.

Новая история города Виндзора началась пятьдесят лет назад, ког-

да большое развитие получила автомобильная промышленность. Форд, Крейслер, авладельцы фирм «Дженерал моторс» «перешагнули» через реку Детройт, чтобы создать в Канаде свои филиалы и таким образом проникнуть на недоступные им в то время рынки Британской империи. Так Виндзор стал автомобильным городом Канады, где десятки тысяч деревенских парней и иммигрантов вывалились из сил, чтобы «поставить Канаду на колеса».

Горестные воспоминания связывают меня с умирающим городом. Там в 1920 году шестнадцатилетним парнем бродил я от завода к заводу в поисках работы. В Виндзоре же я стал одлаждым на вольным свидетелем самоубийства: чтобы избавиться от нужды и голода, юноша-безработный бросился в мелинские воды Детройта. Я видел, как он оттолкнул от себя брошенный ему спасательный пояс и пошел ко дну. Я был также очевидцем мужественной борьбы рабочих, которые, организовав транспортную забастовку, на какое-то время сумели поставить на колени «длинную» Фордов: забастовщики добились повышения заработной

платы, а также права вступать в рабочие союзы.

И вот много лет спустя я снова приехал в Виндзор. Это было совсем недавно. После первой же прогулки по городу у меня возникло такое чувство, будто я нахожусь в доме, где лежит покойник. Сотни тысяч безработных автомобилей и грузовиков наводили заводские дворы и прилегающие к ним кварталы в тишном ожидании покупателей. Но кто будет покупать автомобили? Зачем безработным машины? Правда, агенты фирмы предлагают машины без обычного аванса, в рассрочку на многие месяцы. Люди, однако, не решаются рисковать: никто не уверен в завтрашнем дне, никто не знает, удастся ли потом расплатиться. Безработица стала бичом для самых широких слоев населения, ее пагубные результаты повсюду: опустели и торговцев, и врач, и портной...

Печальный вид имеют улицы умирающего города. Торговцы открывают свои лавки больше по привычке, чем по необходимости. Рабочие выходят из лавки, чтобы постоять на углу или от нечего делать поглядеть на витрины магазинов. Нужда вызывает семейные неурядицы, вернуает жем и приводит в отчаяние матерей — так уж лучше провести время на улице, чем окочальваться дома... Я встречал молодых людей, которые после окончания школы уже много лет не могут найти работу. Одни из них коротали часы в игровых домах, другие сполыались без дела на набережной, отлеуа хорошо видны силуэты замерших в бездействии автомобильных завод Детройта.

Многие жители Виндзора уехали на север, в лесные районы, надеясь, что там им наконец улыбнется счастье. Незначительная часть пожилых рабочих уехала в другие страны, чтобы заняться на ремонте оборудования. Но и такую арсенную работу не так легко найти. Безработица продолжает расти... Только однажды жители Виндзора восприняли духом и глаза их засветились радостью. Это произошло в те дни, когда Китайская Народная Республика сделала заказ на тысячу автомобилей. Еще немного, и снова загудела бы заводы Виндзора и ожал бы город. Но Джон Фостер Даллес сказал: «Нет!»... и автомобильные боссы поспешно отравили своим русью через границу, приостановив выполнение китайского заказа. Парламент Канады, правда, заявил протест, но так робко, что на этом все дело и кончилось. Отып поморк свет в глазах жителей Виндзора...

Виндзор, крупный центр автомобильной промышленности Канады, умирает... Но он не умрет! Настает день, и наш канадский рабочий класс одолеет янки в города-призраки. Он не позволит умереть своей горю.

Сейчас, когда я пишу эти строки, у ворот автомобильных заводов США в Канаду стоит очередь рабочих, требующих работы, улучшения условий жизни.

Виндзор и другие города будут жить! Рабочий класс вырвет их из когтей смерти, и они протянут руку помощи оставшимся в других советским городам, чтобы вместе бороться за победу над смертью на всем земном шаре.

Торонто, Канада.

Карикатура, опубликованная в одной из наднадных газет... Стремительно матится с горы все увеличивающийся снежный шар, символизирующий собой безработицу. Внизу он сметет с лица земли домик — город Виндзор.

Торонто, Канада.

Читателям «СМЕМЫ»

После шестинедельного пребывания в СССР я вернулся в Канаду, но все еще нахожусь под впечатлением того, что мне довелось увидеть в вашей стране — стране гинущей энергии и смелых дерзаний. Я всегда буду помнить замечательный советский народ и особенно тех энтузиастов, полную энтузиазма молодежь.

Около двухсот молодых канадцев имели счастье побывать в Москве на VI Всемирном Фестивале молодежи и студентов. Они вернулись со своих советских-комсомольских, они решили там учиться и вести себя, чтобы походить на молодежь вашей страны. С радостью могу сообщить вам, что на курсах, где я работал преподавателем, самыми прилежными юношами и девушками оказались те, которые были у вас в гостях на Московском фестивале.

Мои юные советские друзья! Весь мир восхищается вашими трудовыми подвигами. Вы преобразуете свою страну и тем самым оказываете огромное влияние на будущее всего человечества.

John Weir

Торонто, Канада.

Фото М. Муразова.

"Львы"

Третий поражение

«Уэмбли лайонс» — «Уэмблиские львы». Так назвали англичане своих «импортных» хоккеистов, вошедших в историю благодаря высокому наступательному духу, ловкости, силе и выносливости. Мы назвали «импортных» потому, что все игроки этой команды по происхождению канадцы.

На боевом счету «Уэмбли лайонс» немало внушительных побед, одержанных на ледяных полях многих городов мира. Советским мастерам кийшюли тоже приходилось мериться силами со своими знаменитыми английскими коллегами. Первую встречу со «львами» в Англии наша сборная проиграла со счетом 2:5, а последнюю выиграла, дважды забросив шайбу в ворота англичан и не пропустив в свои ни одной...

И вот команда «Уэмбли лайонс» в Москве. В один из декабрьских воскресных дней сотни тысяч болельщиков во всех уголках страны прыгнули к радиоприемникам и репродукторам. Какого волновой вопрос: «Ито победит — молодые хоккеисты новизны московских клубов или закаленные в битвах умблские «львы»? Трибуны, обрамляющие искусственный лед «Сокольники», были заполнены до отказа. Многие зрители стояли в про-

ходах, а мальчишки-болельщики удобо-но устроились над самыми верхними трибунами, на «галереи».

Молодежная команда московских клубов сразу же предопределила гостям стремительный темп игры, и на второй минуте нападающий Юрий Чумичини открыл счет. Прошло еще четыре минуты, и другой советский хоккеист, Анатолий Ионов, забросил еще одну шайбу в ворота англичан. Со счетом 2:0 закончился первый период. Второй период оказался не менее удачным для молодых хоккеистов Москвы. Станислав Петухов и Анатолий Михеев увеличили счет до 4:0. Лишь одной большой усилий гостям удалось забить один ответный гол. Но дальше этого дело не пошло. Загладе инициативой в самом начале матча, москвичи сумели удержать его до конца игры. В последнем, заключительном периоде они забросили в ворота англичан еще две шайбы.

6:1 — с таким результатом закончилась эта интересная встреча. Молодые хоккеисты Москвы одержали убедительную победу над английскими «львами», которые до этого сравнительно редко испытывали горечь поражения.

Б. АЛЕКСАНДРОВ

Момент игры.

Шайба в воздухе! Вратарь Станислав Литовко перехватывает ее на лету.

Болельщики «перебивают»...

На лед выходит новая тройка «львов»...

«Я увидел смелый, новый мир»

Поздравляю с Новым годом читателей журнала
«Смена!»

Во время моей первой, только что закончившейся поездки по Советскому Союзу я вволю увидел многоисключительные чудесные достижения народа нашей страны. Я видел колхозные люди, участвовавшие от своих отцов и дедов в бесценные сокровища. В наступающем году и во все последующие годы надежно храните это сокровище.

Оскар Е. Келли

В декабре редакцию «Смены» посетил американский писатель Альберт Кан. Меня всегда интересовали проблемы молодежи,—сказал он,—накануне корреспонденту журнала,—и я буду рад побеседовать с вами в гости.

— В Советском Союзе я впервые,—говорит он,—но это вовсе не значит, что я и сейчас в совершенно новую страну. Многие годы я с неслабым интересом слежу за жизнью советского народа. Момент быть, потому и побольше вашу страну, что длительное время изучал ее, узнал, насколько она достигла и ценной личной удачи эти победы завоевала. Однако, приехав в СССР, я в первое же дни понял, что это не только не повторение, но и совсем новое явление для жизни простых людей, и то и дело ловил себя на мысли, что я не могу этого увидеть.

Я не идеалист,—продолжает Кан,—и это позволяет мне со всей откровенностью сказать, что во время пребывания в Советском Союзе я неоднократно видел не только одно прекрасное, но замечательное и неотъемлемое. Правда, по сравнению с теми громадными достижениями, которыми буквально поразили меня, эти недостатки кажутся малозначительными и легко устранимыми. Повторю, больше всего я видел в вашей стране хорошего.

Вашего народа, возвращаясь с демонстрацией,—восклицает писатель,—я случайно стал свидетелем уличной сценки, которая глубоко взволновала меня. Девочка грубой ирландки смуглого человека в форме, которую я видел приехавшего в Москву из кантонной африканской страны, взяв его за руку, пошел с ним по улице, как будто по привычке. Мы с другим молодым человеком подошли к ним отцом или братом. Мне, американцу, это понятие несомненно знакомо. Ничего подобного я не видел у себя на родине.

В моем юном советском другом—читателе «Смены» тоже может показаться странная. Но все, что он видит вокруг себя, является для него самым естественным и самым разумным. Но мне, чуждому, приходится видеть другого мира, многое у вас представляется необычайно новым и интересным.

Недавно я перечитывал «Бурю» Вильяма Шекспира—

моего любимого драматурга. В этом прекрасном произведении, как вы помните, показана яростная борьба страсти, добра и зла, любви и ненависти. Шекспир с огромной впечатлительной силой нарисовал картину торжества света над тьмой, добра над злом, назвав это торжество смелым, новым миром. Таким светлым, новым миром представляется мне и наша великая страна.—Да, в вашей стране я увидел смелый, новый мир.

Альберт Кан—автор ряда книг, посвященных различным вопросам воспитания молодежи. Большой резонанс в Советском Союзе вызвала, например, его книга «Игра со смертью». В ней наглядно показано, как наши губительные последствия приводят антинародная, давно обанкротившаяся политика «холодной войны». Оперирова убедительными фактами, характеристиками для современной Америки автор рисует полные драматизма эпизоды, возмущающие в атмосфере, отравленной искусственно создаваемой в стране атмосферы истерии. Радио, телевидение, кино, печать—все средства плуцены в ход, чтобы убе-

дить американских детей в том, что их жизни постоянно угрожает атомная бомба. Понятна военного психоза и ссылаются на моральное обнищание молодежи. Калечит детские души. Подвизая «героями» голливудских фильмов и «героями» многоисключительных номисов, проинкрутирова дуком челоукононаветичества, неприкрытой злостью и грубой военной пропаганды, дети начинают стрелять в своих родителей, подруги и юноши становятся нарицательными или предаются другим, не менее страшным порокам.

К счастью, есть среди нашей молодежи и по-настоящему здоровые силы,—говорит Кан.—Особенно это можно сказать о смелой и мужественной молодежи, которая видит себя с исключительной достоверностью. Ее славная уверенность в борьбе за свои человеческие права может служить прекрасным образцом для молодого поколения. Лучшая часть молодежи советской страны искренне желает дружить со своими современниками светскими. Так же, как и вы, она не хочет войны и рада внести свой посильный вклад в благородную борьбу за торжество мира на земле.

КРОССВОРД

Составил А. Татауров
(Свердловская обл.)

По горизонтали:

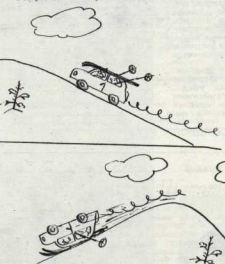
5. Повесть Льва Толстого.
6. Горная порода. 9. Единича изобретения направления электрического тока. 11. Персональный секретарь ЦК Албанской партии труда. 12. Немощный худощавый коммунист. 15. Известный русский мореход. 18. Везоупольный кустантин. 19. Химическое взаимодействие между веществами. 20. Лауреат Международного конкурса пианистов и скрипачей имени Чайковского. 21. Тяжел. 24. Город в Бразилии. 26. Соединение углерода с металлом. 27. Героический поступок. 31. Великий русский химик. 33. Генеральный секретарь Всемирной федерации профсоюзов, лауреат Международной Ленинской премии «за укрепление мира между народами». 34. Янтарная бочонка тутового шелкопряда.

По вертикали:

1. Французский зоолог XVIII века. 2. Угледорожа. 3. Советско-иранский кинофильм. 4. Цитрусовое дерево. 7. Спортсмен. 8. Столица автономной Советской Социалистической Республики. 10. Страна света. 13. Параллельный период в жизни общества, государства. 14. Режиссер-постановщик кинофильма «Грешный Джим». 16. Новая форма магнетона. 17. Татарский композитор, автор оперы «Ахис Диваллы». 22. Музыкальное произведение для семи голосов. 23. Синтетическое волокно. 25. Новелла в Эгейском море. 28. Остров в Эгейском море. 29. Вид спорта. 30. Транспорт. 32. Столица Чехословакии.

НА ЛЫЖНУЮ ПРОГУЛКУ

Рисует Г. Караваев.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 24 ЗА 1958 ГОД

По горизонтали:

3. «Восток». 5. Эпопея. 10. Повесть. 11. Ригель. 12. Игумен. 14. Орисал. 15. Валлон. 17. «Друзья». 18. Фреба. 19. «Битва». 21. Проца. 23. Дюбуа. 25. «Полубой». 26. Хроника. 29. Эспартакр. 33. Бернисан. 34. Рыбалов. 37. Лени. 38. Зальб. 39. Таллы. 40. Дубна. 41. Мине. 42. Опера. 43. Вая. 46. Альва. 47. Мадия. 48. Обман. 49. Обера. 50. Руба.

По вертикали:

1. Ковалов. 2. Реактор. 4. Одограф. 6. Путевая. 7. Могуль. 8. Рифалла. 9. Рича. 10. Меренция. 11. Рубо. 13. Паня. 14. «Ваннуето». 17. Дерва. 18. Альб. 20. Дрво. 22. Ваня. 23. Деня. 24. Фиря. 25. Крестель. 27. Анапавод. 28. Стеня. 30. Сметана. 31. Цыльтобо. 32. Тристаня. 33. Веленя. 34. Риферма. 35. Абганя. 37. Атомумя. 44. Находка.

Первая страница обложки: «Базня выстат». Вторая страница обложки: «Рича». Бессоновская художественная выставка «40 лет ВЛКСМ».

Четвертая страница обложки: Московский Кремль. Январь 1959 года. Фото И. Шагина.

Главный редактор М. А. Величко.

Оформление В. Урина.

Крупиком не возмущаются.

Технический редактор О. Шваба.

Адрес редакции: Москва, Д-47, 1-я улица Явского поля. 28. ТЕЛЕФОНЫ: Секретариат—Д 3-34-24. Отделы—рабочей молодежи, литературы и искусства—Д 3-31-68, студенческой молодежи—Д 3-35-24, очерка и публицистики, физкультуры и спорта, информации—Д 3-36-90, писем—Д 3-31-69, оформления, иллюстраций—Д 3-34-22.

А 01706. Подписано к печати 6/1 1959 г. Тираж 450 600 экз. Изд. № 105. Заказ № 2997. Формат бумаги 70x108мм. 1,75 бум. л.—4,8 п. л. Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

КИРИЛЛА ЛЕЖАК И ЕГО ДЕДА СВИРДА

Шесть пудов Кирилл Лежак одной рукой поднимает. По улице ходит — земля под ним дрожит. Шея — хоть нитка. А вот голова — вот такой, что другого равного свет не видел. Долго Кирилл никак не мог найти себе работу по вкусу. Спотыкнувшись на старую статью — браконьерство, говорит, сердце не лежит. Ездовым насадил — куда там! Будучи, говорит, в наш атомный век на телеге тащиться... Послали от колхоза на курсы трактористов.

— Что вы — говорит — Разве я маленький, чтобы сидеть за парту себе?

Он — вправду — не маленький. Как-никак, человеку двадцать три года ступнюло. Председатель колхоза Рука и не знает, куда его назначить.

— Разве гусей пасти тебе посылать? Но и этого тебе не довершишь. Разберется у тебя гуси. Ты ведь ловок, как медведь в пусовой лавке.

— Тогда Кирилл сам себе наставил работу.

— Я — говорит — побуду на тракторе и пойду Свириду, сторону колхозного сада. Дядя, не спадает бы его, стар убо, не дай бог померет, а другого такого специалиста колхозу не сыскать. Так вот я и буду учиться на сторона.

В колхозе давно уме рулить махину на Кирилла: учился хоть на дальною, только не доучаи!

Итак, со стороны правления возмущения было. Поща Кирилл в науку к деду Свириду. Дед обрадовался: сик какникак, такая помощник в три раза быстрее старика, чтобы ребята гусей не тресли или чья-нибудь сабы случайно горох не подорлы. Одним словом, дед Кириллу в сад Кирилла больше надежды. Но дней этак через пять от надела

матризовано. Вот леним мы, сидим, и садочку, и марку пообедать захотелось. Намали на инопку, щелчки, понаулыста, перемами казанок борща и две ложки. Ешь — рывае оттусидай! Поили, инопку, нажали, щелк — и движик! Намалием сам автоматический, и речне поехал мыться. А вместо него горшок вареников и миску сметаны приехали.

— А на сметану отдульную инопку нажать нуно? — полюбопытствовал дед.

— Да нет, что вы! Там все предусмотрено. Автоматичный Атомные двигатели! Да... После мы задражили, выткнулись инноватаи вверх, инопки понажали — и поехала себе посуда мыться. А нам курить

Свирида ничего не осталося. Старик лишь упрямался: — Ты, Кириша, когда слыш зачончешь, то уж ради бога не распоясайся под силой «внугерной». Потому что вчера, когда ты задал хралюла, смичонка на землю так градом и посыпалась. Слыш, Кириша,— фруи! мовничи. Большое волнения воздуха оно не переносит. Ты уж лучше вон под той яблонькой распоясайся: это сорт зимний, она выдержит.

Кирилл не возражал: под яблонькой, так под яблонькой, лишь бы в холоде. Выспавшись и ядроволь называвшись, он начал с делом разговор о технике: — Что это у вас за техникон, даушка? С прутинко по саду поканиваете. Вот при коммунизме техника будет. Это да! Во всех концах сада установят мощные радионотатары, а в шалаше — телевизор. Сидите себе в шалаше, мурд на экране — вор! дивамали на инопку — и...

— Дураи! — перебил его дядя. — Какие же при коммунизме воры будут? По дорожке к коммунизму мы все воров и лодырей паростерим. И сторожей при коммунизме не будет. Я, монет, последняя сторож в колхозе. Когда даишь себя, значит, нечего выбирать. м-м... кан это все парторг на собрании навалю, даишь себя, значит, бесперспективно. Вот!

— Тогда я, дядушка, больше хочу какхотеть, даишь себя. Тогда, знаете, такая техника будет. Во всех концах сада установятелх, и кругом все автоматизуется. Шелк щелк — и труба ваша автоматически табаком набита, а вине прямо в рот прыг папирносы, длинная наниа, кан дышло. Пах пах огнем — и мы уже курим. А веточка автоматически мух от нас отгонит. Против них инопку — дусть выдуывает. Мух будет

томят нуно, потому что после уснеженного ости они становятся злыми, как бешеные собаки, и до крови кусаются...

— Помогали. Дед, не домидался автоматизм, набил трубу, закурил и замечтался. — У тебя, Кириша, на все эти инопки, понаулы, ружье не хавайт.

— А я, дядушка, именьсо. Дети поидут. Вот меня с детьми и будут на инопки нажимать.

— А ты лениать будешь? — А что же это делать, если всю работу техника будет выполнять? — Там, так. А я, если бы бог дал мне до той техники доходить, знаешь, что делал бы.

— А что? — А я бы инопку — щелк! Подвезем техника с этажной петлей на конце и хоп тебе за явонку... и в сторону инопку — щелк! Подвеземат другая техника, с дубинной. И давай! Она техника с петлей за явонку деринат, а другая дубинной по поинсиде да по другим местам дубасит!

— Какой же вы, дядушка, несознательный! Сейчас дрались нежить, а при коммунизме и подавно. — Неужель? В то-то и тебе, скоро отучил бы инопки на инопку, а на инопку, суеверия сыны! Не лени, а работай нид!

— Какой же вы, дядушка, несознательный! Сейчас дрались нежить, а при коммунизме и подавно. — Неужель? В то-то и тебе, скоро отучил бы инопки на инопку, а на инопку, суеверия сыны! Не лени, а работай нид! — И дед Свириду крас-

норечиво потянулся за палкой. Кирилл понял, что старик монет, не домидался техника с стоянчым вингетелием, хорошоенько отгреть его по спине, и покороче. Тямочко крышка, поднялся и поерл по тропинке на другой конец сада.

С этого дня райская жизнь в саду превратилась для Кирилла в сущий ад. Дед Свирида все больше и больше забивался нацикату в свои явонки. Он не давал старшему поном ни дня, ни минуты. Только распоясавшись Кирилл под какой-нибудь яблонькой, старик уне тут как тут стоит над его головой с палкой, приговаривая: — Ленишки! А там где-нибудь груши трусят. Монет, инопку нажать! — И переидаывает палку из левой руки в правую.

Кирилл не домидался, подался и шел к старой куде — инопку нажимать, подался и шел к старой груше. «Когда же ты, черт старик, спишь!» — дулся он час, когда согнулся стаминировался у него.

— Как-то оснево дед Свирида пошел к куде на именьни. Кирилл остался один в саду. Почувствовав себя козлинкой полонийей, он рывае кан следует отдохнути. Но злая дед послала ему новое испытание. В сад приехали девушки из садово-городной бригады собирать удоку.

И то ли случайно, то ли нарочно (монет, дед Свирида на инопку, нажали они с той яблоню, под которой Кирилл спал. Явонки градом посылались ему на голову. Разозленный, Кирилл всночил и начал кричать: — Да вы что, издеваетесь! Черепом прилет отдохнути! Инопку нажать! — И переидает палку из правой руки в левую: — Да вы лучше помог бы нам колхозники таскать, а то разлетел тут... Видальи, как переидаетелась! — зашумели девушки.

— Чего чего? Это не входит в мои обязанности! — ответил Кирилл и улегся под другой яблонькой.

Девушки сразу же перешли к этой яблоньке, и на Кирилла снова посыпался град именьни и насмешки девушки. Кирилл молча перевернулся под старую грушу, и который час, пролежав на лестнице, улегся и тут же захрапел. — Ну, Кирилл, а ну канальная техника с атомными двигателями! Сидишь несметное количество инопкии рычагов,

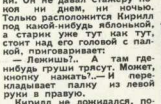
Рисунки Е. Гурова.

Вот он нажал ногой на один рычаг, — страшно заудел атомный двигатель. И... из глаз Кирилла посыпалась сверкающие инопкии... Мгновенно проснувшись, он почувствовал, что на нем не лежит лестница, а на голове быстро, кан на дронжух, растет огромная щипца. По тропинке и Кирилла приближался дед Свирида.

— Что, автоматически сработала? Ай-ай-ай! Дай-на я тебе петачок но лбу прилому, мар вытнеть. Девушки захохотали. Этого Кирилл не мог вынести. Дернулся за лоб, он, чуть не плача, говорил:

— Смышлой. Человек мог иналькой стати иневидом труда остаться, а ми смешной! Ничего с тобой не случится. Вот лестница действительно иналькой, даже переидать кан не бывало. Ну и ладно!

Кирилл всночил и побелая, да так, что даже реченики зашумели. Больше его не слышали. Теперь он подыскивает себе более спойную работу. Говорят, хочет оборваться с тропинки на кладбище.

— Смышлой. Человек мог иналькой стати иневидом труда остаться, а ми смешной! Ничего с тобой не случится. Вот лестница действительно иналькой, даже переидать кан не бывало. Ну и ладно!

Кирилл всночил и побелая, да так, что даже реченики зашумели. Больше его не слышали. Теперь он подыскивает себе более спойную работу. Говорят, хочет оборваться с тропинки на кладбище.

— Смышлой. Человек мог иналькой стати иневидом труда остаться, а ми смешной! Ничего с тобой не случится. Вот лестница действительно иналькой, даже переидать кан не бывало. Ну и ладно!

Сокращенный перевод с украинского А. СЕМЕНОВА.

Цена номера
2 руб.

